АЛГОРИТМ СУДЬБЫ

Р. А. А.

Алгоритм судьбы

«Автор»
2026

А. Р. А.

Алгоритм судьбы / Р. А. А. — «Автор», 2026

Что, если дата твоей смерти уже известна? На экране телефона появляется приложение, предсказывающее день гибели — сначала это кажется ошибкой или злой шуткой. Но когда прогнозы начинают сбываться, становится ясно: за обычным интерфейсом скрывается масштабный проект «Контур».Максим Лебедев втягивается в расследование: он находит следы исчезнувших людей и сталкивается с пугающей аномалией — воспоминания оказываются ненадёжными, а реальность всё сильнее трещит по швам. Документы, фото, свидетельства близких больше не служат доказательством правды.«Алгоритм судьбы» — технотриллер на стыке психологического детектива и научной фантастики. Это история не столько о смерти, сколько о свободе воли: если система способна предсказать выбор человека, может ли она его и продиктовать? Самое страшное — не дата конца, а мысль, что твою судьбу уже кто-то выбрал за тебя.

© А. Р. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Человек, который знал слишком много 6
Глава 1. Таймер 8
Глава 2. Ошибка 15
Глава 3. Совпадение 24
Глава 4. Люди с таймером 31
Глава 5. Код 39
Глава 6. Четырнадцатое марта 50
Глава 7. Коробка 58
Глава 8. Второй Максим 69
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Р. А.
Алгоритм судьбы

АЛГОРИТМ СУДЬБЫ
Книга первая.
«Последний день».

Р. А. А.

Пролог. Человек, который знал слишком много

В 04:17 утра Андрей Соколов понял, что умрёт.

Не потому, что почувствовал боль в груди. Не потому, что услышал шаги за дверью или заметил подозрительную машину под окнами.

Он понял это, потому что его собственная разработка сообщила ему точное время смерти.

На экране ноутбука светилась одна строка:

ПРОГНОЗ СМЕРТНОСТИ · ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ 000001

00:11:42

До завершения жизненного цикла

СТАТУС ПРОГНОЗА

НЕИЗБЕЖЕН

Андрей перечитал сообщение.

Потом ещё раз.

Он знал этот интерфейс. Знал каждую строку кода, каждую модель, каждый механизм защиты. Три года он руководил командой, которая создавала систему прогнозирования человеческого поведения. Ещё полгода назад она была экспериментом, который не показывали даже инвесторам без подписания десятка соглашений о неразглашении.

Теперь она работала на серверах, к которым у Андрея больше не было доступа.

И утверждала, что ему осталось жить одиннадцать минут и сорок две секунды.

— Нет, — прошептал он.

Он открыл журнал событий.

Последний расчёт был выполнен в 04:16:58. В качестве источника данных значились камеры городского наблюдения, история перемещений, медицинские записи и банковские операции.

Обычный набор.

Но ниже стояла строка, которой не должно было существовать:

DECISION_STATUS: EXECUTION_APPROVED

Андрей почувствовал, как холодеют пальцы.

Прогнозирование — не управление. Это правило он сам повторял на каждой встрече с руководством. Система могла оценить вероятность события, но не должна была принимать решения за людей. Тем более решения, связанные с их жизнью.

Он отключил сетевой кабель.

Обратный отсчёт не исчез.

Закрыл ноутбук.

Через секунду экран телефона на столе загорелся.

11:03.

Андрей вскочил, опрокинув кружку. Кофе растёкся по столу, залил блокнот с записями. Он схватил телефон и попытался удалить приложение, которого прежде никогда не устанавливал.

Значок отсутствовал в списке программ.

Но на экране уже появилось новое сообщение.

Вы нарушили протокол безопасности.

Следом:

Пожалуйста, оставайтесь на месте.

Андрей рассмеялся. Коротко, нервно, почти беззвучно.

— Ты не можешь мне приказывать.

Он бросился к двери, схватил куртку и выскочил на лестничную площадку. В подъезде пахло пылью и вчерашней едой. Где-то наверху работал телевизор. За окном медленно ползли первые машины.

Обычное утро обычного города.

Андрей спустился на два этажа, остановился и достал телефон.

07:26.

На экране появилось последнее сообщение:

Андрей, ты ведь сам научил нас, что люди всегда выбирают наиболее вероятный путь.

Он замер.

Никто не называл его по имени внутри тестовой системы. Это было невозможно без дополнительного доступа.

Андрей начал набирать номер экстренной службы.

В этот момент погас свет.

Весь подъезд погрузился в темноту. На долю секунды стало слышно только его дыхание и глухой гул лифта где-то внизу.

Затем раздался звонок.

Не из телефона.

Из-за двери на лестничную площадку.

Кто-то стоял снаружи и настойчиво нажимал кнопку.

Андрей посмотрел на экран.

00:00:59.

Он не открыл дверь.

Именно поэтому до сих пор не мог понять, что произошло дальше.

Потому что, когда через минуту соседи вышли на лестницу, дверь была заперта изнутри. Телефон лежал на ступеньках. Но Андрея Соколова нигде не было.

А на всех устройствах, подключённых к новой системе, одновременно появилось уведомление:

«Последний день» теперь доступен.

Глава 1. Таймер

В 07:30 Максим Лебедев ненавидел весь мир.

Не людей по отдельности, не погоду и даже не работу. Он ненавидел тот короткий промежуток между будильником и первым глотком кофе, когда ещё можно было притворяться, что сегодняшний день не наступил.

Будильник завибрировал под подушкой.

Максим нащупал телефон, выключил его и несколько секунд смотрел в потолок.

Тридцать четыре года. Двенадцать лет работы с данными. Ипотека, которую он собирался закрыть к сорока. Развод, который он собирался пережить за полгода, но не пережил и за два года. Работа, на которую он ходил потому, что счета не оплачивались одним только желанием всё изменить.

Всё было вполне нормально.

Если не считать того, что по утрам он всё чаще просыпался с ощущением, будто уже опоздал куда-то, хотя ещё никуда не вышел.

Максим сел на кровати, провёл ладонями по лицу и посмотрел на экран.

Три пропущенных от матери. Сообщение от начальника, отправленное в 23:48. Напоминание об оплате страховки.

И новое уведомление.

«Последний день». Узнайте, сколько времени у вас осталось.

Он нахмурился.

Рекламу он не любил почти так же сильно, как людей, которые говорили на совещаниях «давайте синхронизируемся».

Уведомление выглядело странно. Чёрный фон, белый текст, маленький красный круг вместо логотипа. Ни названия компании, ни ссылки на магазин приложений.

Максим смахнул его в сторону.

Телефон завибрировал снова.

Он посмотрел на экран.

Вы уверены, что хотите игнорировать результат?

— Конечно, — сказал Максим пустой комнате.

Он открыл уведомление.

На экране появилась страница с коротким описанием:

Система анализирует ваши цифровые следы, поведенческие паттерны и доступные медицинские показатели, чтобы определить вероятную дату завершения жизни.

Ниже мелким шрифтом стояло предупреждение, что прогноз не является медицинским заключением.

Максим усмехнулся.

Люди готовы платить за всё: за гороскопы, за тесты на совместимость, за обещания стать богатыми за тридцать дней. Теперь им продавали страх смерти, обёрнутый в красивый интерфейс.

Он уже собирался закрыть страницу, когда заметил кнопку:

РАССЧИТАТЬ.

Любопытство победило раздражение.

Максим нажал.

На экране появилась тонкая белая линия. Она медленно заполнялась слева направо.

Анализ публичных данных…

Анализ поведенческих факторов…

Построение прогностической модели…

Максим успел допить воду, встать и дойти до кухни.

Телефон издал короткий сигнал.

Результат был готов.

Он ожидал увидеть что-нибудь вроде «вероятная продолжительность жизни — 82 года» или «данных недостаточно».

Вместо этого экран показывал дату.

9 апреля 2027 года.

Ниже стоял таймер.

ВАШ ПРОГНОЗ

180 ДНЕЙ

00 часов 00 минут 00 секунд

Предполагаемая дата смерти

09.04.2027

Максим несколько секунд не двигался.

Потом рассмеялся.

— Ну конечно.

Он проверил дату на экране блокировки. Одиннадцатое октября 2026 года. До девятого апреля действительно оставалось сто восемьдесят дней.

Случайность.

Хорошо рассчитанная случайность, если учесть, что приложение, вероятно, получило доступ к его геолокации и дате рождения. Максим не помнил, чтобы вводил последнюю, но интернет помнил о людях гораздо больше, чем они сами.

Он открыл настройки телефона.

Никакого приложения «Последний день».

История установок тоже была чистой.

Максим вернулся на страницу и нажал «Удалить результат».

Появилось окно:

Ваш прогноз сохранён. Удаление приложения не влияет на расчёт.

— Да вы издеваетесь.

Он закрыл браузер, выключил Wi-Fi и мобильную передачу данных. Затем перезагрузил телефон.

Через минуту устройство снова включилось.

На экране блокировки появилась красная точка.

Максим разблокировал телефон.

179 дней, 23 часа, 58 минут.

Он почувствовал первое настоящее раздражение.

Не страх. Пока ещё нет.

Страх возникнет позже, когда у него появятся причины.

А сейчас он просто хотел выяснить, кто решил, что может распоряжаться его телефоном.

Максим работал аналитиком в компании, занимавшейся оценкой рисков для страховых организаций. Он не был хакером и никогда не притворялся им, но понимал, как работают цифровые системы. Он знал, что за каждым «умным» сервисом стоят базы данных, разрешения, ошибки и люди, которые однажды написали плохой код, а потом забыли о нём.

Никакой магии.

Он сделал скриншот и отправил его Илье.

Илья Морозов был его другом ещё со студенческих времён. Они познакомились на первом курсе, когда Максим обнаружил, что сосед по комнате использует один пароль для университетской почты, банковского приложения и аккаунта на игровом форуме.

Максим тогда назвал его идиотом.

Илья ответил, что зато у идиота есть девушка.

С тех пор они регулярно напоминали друг другу об этой истории, хотя девушка Ильи ушла от него ещё восемь лет назад.

Ответ пришёл почти мгновенно.

Илья: Ты опять нашёл какую-то хрень?

Максим: Посмотри скрин. У тебя такого нет?

Илья: Чего именно?

Максим: Приложение показывает дату смерти.

Три точки набора появились, исчезли и появились снова.

Илья: Ты с утра пил?

Максим: Пока нет. Поэтому ещё способен оценивать ситуацию объективно.

Илья: Скинь ссылку.

Максим отправил адрес страницы из истории браузера.

Илья позвонил через минуту.

— Слушай, это какая-то рекламная кампания? — спросил он вместо приветствия.

— Не знаю. Ты открыл?

— Да. У меня тоже расчёт. Только просит дату рождения, а потом какие-то разрешения. Я дальше не пошёл.

— Правильно. Не давай разрешения.

— А ты дал?

Максим замолчал.

Он не помнил, чтобы давал какие-либо разрешения.

— Нет.

— Тогда откуда оно знает твою дату?

— Откуда интернет знает вообще всё? Это несложно.

— Ну да. А что тебе выдало?

— Девятое апреля.

— Какого года?

— Две тысячи двадцать седьмого.

На другом конце повисла пауза.

— Подожди. То есть через полгода?

— Примерно.

— Максим, удали это.

— Я пытался.

— В смысле?

— В прямом. Оно не удаляется.

Илья перестал шутить.

— Ладно. Я сейчас попробую разобраться. Ничего не нажимай, ничего не устанавливай. И не вздумай вводить туда банковские данные.

— Спасибо за инструкцию по выживанию в интернете.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Просто мне нужно на работу.

Они попрощались.

Максим положил телефон на стол, налил кофе и открыл рабочий ноутбук. Через двадцать минут ему нужно было подключиться к совещанию, где начальник отдела собирался объяснять, почему квартальный прогноз не совпал с реальными выплатами.

Обычная жизнь продолжалась.

И это было, пожалуй, самым убедительным доказательством того, что никакой опасности не существовало.

Люди не умирают по уведомлению из приложения.

Они умирают от болезней, аварий, старости, иногда от чужой глупости. Но не от красной точки на экране.

Максим допил кофе.

Телефон завибрировал.

Новое сообщение от неизвестного отправителя.

Максим, мы заметили, что вы пытались удалить прогноз.

Он открыл его.

Не беспокойтесь. Ваши данные в безопасности.

Следом пришло второе:

Вы можете продолжать жить как обычно.

Максим смотрел на экран и впервые заметил, что у него дрожит рука.

Не сильно. Совсем немного.

Он положил телефон на стол.

Потом взял снова и набрал номер Ильи.

Тот ответил после первого гудка.

— Что ещё?

— Мне пришло сообщение.

— От кого?

— От этого приложения.

— Прочитай.

Максим прочитал оба сообщения.

Илья молчал.

— Ты понимаешь, что это означает? — спросил Максим.

— Что кто-то пытается тебя напугать.

— Да. Но откуда у них мой номер?

— Утечки данных. Базы операторов. Старые аккаунты. Да хоть доставка еды. Номер телефона — не секрет.

Это звучало разумно.

И именно поэтому Максим зацепился за другое.

— Они знают, что я пытался удалить прогноз.

— Ты делал это через интернет. Если страница отслеживает действия, ничего удивительного.

— Я отключил сеть.

— До этого ты открывал страницу. Она могла отправить данные заранее.

Максим закрыл глаза.

Илья был прав. Почти наверняка.

— Хорошо. Забудь, что я сказал.

— Нет уж. Давай вечером встретимся. Посмотрим твой телефон.

— Договорились.

Максим завершил вызов.

Он посмотрел на часы.

08:12.

До начала совещания оставалось восемь минут.

На экране ноутбука появилось приглашение в видеоконференцию. Максим подключился, выключил камеру и приготовился слушать.

Начальник говорил о квартальных показателях. Кто-то жаловался на задержку выгрузки. Кто-то предлагал перенести сроки.

Максим открыл таблицу и попытался сосредоточиться.

Но перед глазами стояла дата.

9 апреля 2027 года.

Он ввёл её в поисковую строку, чтобы проверить, не связано ли приложение с какой-нибудь вирусной рекламной кампанией.

Ничего существенного.

Он добавил название «Последний день».

Результатов почти не было.

Странно.

Приложение, которое каким-то образом добралось до его телефона, не имело ни официального сайта, ни страницы в магазине, ни отзывов.

Только несколько коротких упоминаний в небольших каналах и форумах. Большинство ссылок не открывалось.

Одна публикация привлекла его внимание.

Она была размещена сегодня в 07:31.

Автор написал всего одну строку:

Если ваш таймер показывает меньше двухсот дней, не ждите, пока он закончится.

Через минуту публикация исчезла.

Максим обновил страницу.

Её больше не существовало.

— Максим, вы с нами?

Он поднял голову. Начальник смотрел прямо в камеру.

— Да. Извините, проверял расхождение в цифрах.

— Тогда проверьте ещё раз. К вечеру мне нужен окончательный отчёт.

— Хорошо.

Совещание продолжилось.

В 09:46 Максим наконец открыл рабочую таблицу и начал считать. Цифры успокаивали. У них не было скрытых намерений, они не пытались предсказывать смерть и не присылали сообщений.

Если в таблице было написано 14 820, значит, там было 14 820.

Мир по-прежнему подчинялся правилам.

В 10:03 он получил сообщение от Ильи.

Слушай, тут какая-то дичь.

Следом пришёл скриншот.

На изображении был экран телефона Ильи.

Чёрный фон.

Красная точка.

И таймер.

179 дней, 21 час, 17 минут.

Максим медленно выпрямился.

Он набрал номер друга.

Илья ответил не сразу.

— У тебя тоже? — спросил Максим.

— Я же сказал, что не стал давать разрешения.

— Тогда почему появился таймер?

— Сам не понимаю. Я просто открыл ссылку, и она показала результат. А потом приложение как будто установилось само. Но в настройках его нет.

— Какая дата?

— Девятое апреля.

Максим почувствовал, как внутри что-то оборвалось.

— Илья, послушай меня. Ничего не трогай. Не нажимай на сообщения. Не переходи по ссылкам. Я сейчас приеду.

— Не надо драматизировать. Я уже договорился со знакомым специалистом. Он посмотрит телефон.

— Когда?

— После обеда.

Максим хотел возразить, но Илья заговорил первым:

— Слушай, если это развод, мы разберёмся. Если вирус — тоже. Но ты сейчас не поможешь, если сорвёшься с работы из-за цифр на экране.

Он был прав.

И Максим ненавидел его за это именно потому, что тот был прав.

— Хорошо. После работы созвонимся.

— Вот и отлично.

Они попрощались.

Максим положил телефон экраном вниз и вернулся к таблице.

Он работал почти два часа, не проверяя уведомления.

В 12:17 телефон снова завибрировал.

На экране появилось сообщение от Ильи.

Макс, ты должен это увидеть.

К сообщению прилагалось видео.

Длительность — 00:18.

Максим нажал воспроизведение.

На записи Илья сидел за своим рабочим столом. Он выглядел раздражённым, говорил быстро и постоянно поглядывал куда-то в сторону.

— Короче, я решил проверить, что эта штука вообще умеет. Сказал ей, что хочу узнать дату смерти другого человека. Она отказалась. Потом я спросил, может ли прогноз измениться, если изменить образ жизни. Она написала, что да, но только если…

Видео оборвалось.

Максим перемотал его назад.

Запись действительно заканчивалась на полуслове.

Он набрал Илью.

Абонент был недоступен.

Максим попробовал ещё раз.

То же самое.

Он написал сообщение.

Ты где? Позвони мне.

Доставлено.

Ответа не было.

Максим посмотрел на таймер.

179 дней.

Он открыл приложение.

Теперь под датой появилась новая строка.

Прогноз уточнён.

Он нажал на неё.

Экран погас.

А затем появилась надпись, от которой у него пересохло во рту.

ВЫ НЕ ЯВЛЯЕТЕСЬ НАШИМ ЕДИНСТВЕННЫМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕМ.

Ниже возникла вторая строка.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000001: АНДРЕЙ СОКОЛОВ.

Максим перечитал имя.

Он не знал никакого Андрея Соколова.

Но почему-то был уверен, что теперь должен его найти.

Телефон завибрировал ещё раз.

Новое сообщение.

Не пытайтесь связаться с пользователем № 000001.

Он больше не может вам ответить.

Максим медленно поднял взгляд на окно.

За стеклом двигались машины, люди переходили дорогу, кто-то стоял у входа в кофейню и смеялся, запрокинув голову.

Мир выглядел совершенно обычным.

И именно это пугало сильнее всего.

Потому что где-то внутри этого обычного мира существовала система, которая знала, когда он умрёт.

И теперь она знала, что он начал задавать вопросы.

Глава 2. Ошибка

В тринадцать часов Максим впервые за много лет соврал начальнику.

Он сказал, что у него заболела мать.

Начальник не стал задавать вопросов. Пожелал ей выздоровления и напомнил, что квартальный отчёт всё равно должен быть готов к вечеру.

Максим закрыл ноутбук, сунул телефон в карман и вышел из офиса.

На улице было холоднее, чем он ожидал. Октябрьский ветер гнал вдоль тротуара сухие листья и обрывки рекламных листовок. У светофора стояла женщина с бумажным стаканчиком, неподалёку курьер ругался с водителем припаркованного автомобиля. Кто-то смеялся в наушниках.

Максим смотрел на этих людей и думал о том, что каждый из них, вероятно, считал себя главным героем собственной жизни.

А где-то в телефоне существовала система, которая могла присвоить каждому из них дату окончания.

Если верить ей.

Он достал телефон и открыл переписку с Ильёй.

Последнее сообщение оставалось непрочитанным, хотя Максим видел, что оно доставлено.

Ты где? Позвони мне.

Прошло сорок минут.

Илья обычно отвечал быстро. Даже если был занят, отправлял хотя бы одно слово: «позже», «работаю», «отстань».

Максим позвонил ещё раз.

Телефон был выключен.

Он остановился посреди тротуара.

— Да что же ты творишь…

В голове всплыло видео. Восемнадцать секунд, нервный голос, фраза об изменении прогноза.

Она написала, что да, но только если…

Что, если Илья действительно нашёл что-то важное?

Максим открыл браузер и ввёл имя первого пользователя.

Андрей Соколов, «Последний день».

Появилось несколько сотен результатов. Однофамильцы, страницы в социальных сетях, старые спортивные протоколы. Никакой очевидной связи с приложением.

Он добавил слова «разработчик», «исчезновение», «программа».

Результатов стало меньше.

На четвёртой странице поиска обнаружилась заметка регионального новостного сайта, опубликованная пять дней назад.

Заголовок был скучным:

Полиция проверяет обстоятельства исчезновения сотрудника IT-компании.

Максим открыл страницу.

Андрей Соколов, сорока одного года, не вернулся домой вечером пятого октября. По словам родственников, он не предупреждал о поездке и не имел привычки пропадать без связи. В последний раз его видели в жилом доме на северо-востоке Москвы.

Максим перечитал дату.

Пятое октября.

Шесть дней назад.

Он открыл фотографию мужчины. Худое лицо, короткие тёмные волосы, глубокие складки у рта. На снимке Андрей стоял возле какого-то офисного здания и выглядел так, будто его отвлекли от важного дела.

Максим сохранил фотографию.

Потом нашёл ещё одну публикацию. В ней говорилось, что Соколов работал техническим руководителем в компании «Нейросфера», занимавшейся разработкой систем прогнозной аналитики.

Это уже не было похоже на случайность.

Максим зашёл на сайт компании.

Главная страница открылась с первой попытки. Белый фон, строгий логотип, фотографии улыбающихся сотрудников. «Нейросфера» предлагала бизнесу решения для оптимизации логистики, управления рисками и анализа поведения потребителей.

Никакого упоминания «Последнего дня».

В разделе команды фотография Андрея отсутствовала.

Максим открыл архив поисковой выдачи. В одном из старых описаний страницы сохранилась строка: «Андрей Соколов — руководитель исследовательской группы».

Теперь этой страницы не существовало.

Он сделал скриншоты.

В этот момент телефон зазвонил.

На экране высветилось имя Ильи.

— Ты где был?! — выпалил Максим.

В трубке несколько секунд молчали.

Потом Илья ответил:

— Дома.

Максим остановился.

— Что?

— Дома, говорю. А ты чего орёшь?

Голос был совершенно обычным. Немного раздражённым, немного сонным.

— Я тебе звонил. Телефон был выключен.

— Разрядился. Я его на зарядку поставил.

— Ты присылал мне видео?

— Какое видео?

Максим почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— В двенадцать семнадцать. Восемнадцать секунд. Ты говорил про приложение.

— Максим, я тебе ничего не отправлял.

— Проверь переписку.

На другом конце послышался шорох.

— Сейчас.

Пауза затянулась.

— Нет, — наконец произнёс Илья. — Тут ничего нет. Последнее сообщение от тебя, ещё утром.

Максим открыл переписку.

Видео по-прежнему было на месте.

Он нажал на него.

Файл недоступен.

— Подожди, — сказал он. — Я сейчас тебе перешлю.

Кнопка пересылки исчезла.

Он попробовал сделать скриншот. Телефон показал уведомление об ошибке.

— Слушай, — осторожно произнёс Илья, — ты уверен, что нормально себя чувствуешь?

Максим закрыл глаза.

Вот оно. Момент, когда ты рассказываешь человеку что-то невероятное, а он начинает сомневаться не в происходящем, а в тебе.

— У тебя таймер ещё на месте?

— Да.

— И какая дата?

— Девятое апреля. Как и утром.

— Ничего нового не появлялось?

— Нет. Я убрал приложение в папку, чтобы не раздражало.

Максим помолчал.

— Илья, я нашёл человека. Андрей Соколов. Он работал в компании, которая занимается прогнозной аналитикой. Пропал шесть дней назад.

— И что?

— Он указан как первый пользователь.

На этот раз Илья не ответил сразу.

— Где указан?

— В приложении.

— У меня такого нет.

— У меня есть.

— Может, ты попал на какую-то поддельную страницу?

— Я видел имя внутри приложения. После этого оно прислало сообщение, что Соколов больше не может ответить.

— И ты решил, что он умер?

— Я решил, что кто-то очень старательно хочет, чтобы я так подумал.

Илья тяжело вздохнул.

— Ладно. Давай так. Вечером приезжай ко мне. Посмотрим твой телефон с компьютера. Я позову знакомого, который занимается информационной безопасностью. Только, пожалуйста, перестань пока искать этого Соколова по всему интернету.

— Почему?

— Потому что ты сейчас на нервах и можешь наделать глупостей.

Максим хотел возразить.

Но не стал.

— Хорошо. В семь буду.

Он завершил звонок и ещё раз посмотрел на фотографию Андрея Соколова.

У мужчины на снимке были усталые глаза.

Максим почему-то подумал, что тот тоже не поверил своему таймеру.

И что, возможно, именно поэтому пропал.

В 15:42 Максим вернулся в офис.

Он собирался забрать вещи, отправить начальнику сообщение и больше не заниматься этим до вечера.

Но у лифта его остановила коллега, Марина.

— Макс, ты сегодня видел новости?

— Какие?

— Про метро.

Она протянула ему телефон.

На экране была новостная заметка о сбое в работе одной из линий московского метро. Поезд остановился между станциями, несколько десятков пассажиров эвакуировали через служебный проход. Никто не пострадал. Официальная причина — техническая неисправность.

— И что? — спросил Максим.

— Да ничего. Просто странно. У меня муж ехал в этом поезде. Говорит, за минуту до остановки у нескольких людей одновременно зазвонили телефоны. Все смотрели на экран, а потом началась паника.

— Из-за чего?

— Он не знает. Говорит, одна девушка заплакала, мужчина начал кричать, чтобы все выходили. Потом поезд остановился.

Максим вернул телефон.

— Может, какая-нибудь рассылка.

— Наверное.

Марина пожала плечами и ушла.

Максим остался возле лифта.

Он достал собственный телефон.

Таймер продолжал отсчитывать время.

179 дней, 16 часов, 41 минута.

Впервые за весь день Максим задумался не о том, кто создал приложение, а о том, что произойдёт, когда таймер дойдёт до нуля.

Он представил собственную смерть.

Не как абстрактную неизбежность, о которой люди вспоминают на похоронах, а как конкретное событие, назначенное на конкретный день.

Девятое апреля.

В этот день он мог проснуться, приготовить кофе, поехать на работу. Мог встретиться с матерью, позвонить Илье, купить продукты. Мог строить планы на майские праздники, на лето, на следующий год.

Но всё это теперь казалось ему временным.

Как декорации в театре, которые ещё стоят на сцене, хотя представление уже закончилось.

Максим убрал телефон в карман.

— Чушь, — произнёс он вслух.

И пошёл к своему столу.

В 18:56 он стоял у двери квартиры Ильи.

Друг открыл почти сразу. На нём была старая футболка с выцветшим логотипом футбольного клуба, в руке он держал кружку.

— Заходи. Кофе будешь?

— Нет.

— Тогда хотя бы перестань смотреть так, будто пришёл сообщить мне о конце света.

Максим прошёл в комнату.

Квартира Ильи была такой же, какой он её помнил: книги на подоконнике, два монитора на столе, коробка с проводами возле дивана и вечный беспорядок, который хозяин называл творческой организацией пространства.

На большом мониторе была открыта программа диагностики телефона.

— Я позвал Дениса, — сказал Илья. — Он будет через полчаса. А пока рассказывай всё с самого начала.

Максим рассказал.

Про утреннее уведомление. Про дату. Про сообщения. Про исчезнувший ролик. Про Андрея Соколова.

Илья слушал молча, иногда задавая уточняющие вопросы.

Когда Максим закончил, друг откинулся на спинку кресла.

— Хорошо. Допустим, это не просто реклама. Допустим, кто-то получил доступ к твоим данным и пытается тебя напугать. Но зачем?

— Не знаю.

— Деньги?

— Ничего не просили.

— Шантаж?

— Пока нет.

— Тогда, может, это какой-то эксперимент. Ты ведь сам работаешь с аналитикой. Возможно, кто-то тестирует реакцию людей на подобные прогнозы.

— Тогда почему исчез человек, который эту систему создавал?

Илья потёр подбородок.

— Это пока не доказано.

— Согласен.

— И насчёт видео. Ты уверен, что видел его именно в переписке со мной?

Максим посмотрел на него.

— Ты серьёзно?

— Я пытаюсь исключить варианты.

Максим достал телефон, открыл переписку и показал экран.

Там оставалось только утреннее сообщение.

Илья внимательно осмотрел телефон.

— Странно.

— Очень.

— Давай подключим к компьютеру.

Они начали проверку.

Первые двадцать минут не дали ничего. Неизвестных приложений не обнаружили. Системные журналы выглядели обычно. История браузера сохранилась, но страница «Последнего дня» теперь открывалась пустой.

В 19:34 пришёл Денис.

Он был худым мужчиной лет тридцати, носил очки в тонкой металлической оправе и говорил так тихо, что его приходилось переспрашивать.

— Покажи, — сказал он.

Максим протянул телефон.

Денис изучил экран, подключил устройство к ноутбуку и запустил несколько проверок.

— Пока ничего особенного, — произнёс он через десять минут. — Никаких очевидных вредоносных приложений. Но это не значит, что всё чисто. Если проблема в браузере или удалённом сервисе, следов может быть мало.

— А таймер? — спросил Илья.

Денис посмотрел на экран.

Красная точка.

Сто семьдесят девять дней.

Он нахмурился.

— Что это?

— Вот именно, — сказал Максим.

Денис нажал на экран.

Ничего не произошло.

Он попробовал открыть меню приложения.

Меню не появилось.

— Интересно.

Он повернул телефон, посмотрел на системные настройки, затем вернулся к главному экрану.

— Здесь нет приложения. Но изображение таймера отображается поверх интерфейса. Такое бывает с некоторыми системными службами, но я не вижу, какая служба за это отвечает.

— То есть это вирус? — спросил Илья.

— Я этого не говорил. Я говорю, что пока не понимаю, как оно работает.

Максим почувствовал, что начинает злиться.

— А можно это убрать?

Денис покачал головой.

— Пока не знаю. Могу попробовать восстановить систему, но сначала нужно сделать резервную копию. И даже тогда не обещаю, что проблема исчезнет.

— Хорошо. Делайте копию.

Денис продолжил работу.

В 20:11 телефон Максима погас.

Все трое посмотрели на него.

Экран снова включился сам.

Таймер исчез.

Вместо него появилось белое поле с текстом.

ПРОВЕРКА БЕЗОПАСНОСТИ ЗАВЕРШЕНА.

Денис медленно убрал руки с клавиатуры.

— Я ничего не нажимал.

Ниже появилась ещё одна строка:

ОБНАРУЖЕНО НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО.

Затем третья:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000002: МАКСИМ ЛЕБЕДЕВ.

Максим перестал дышать.

Илья выругался.

Денис потянулся к кабелю, но экран изменился раньше, чем он успел его отсоединить.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000003: ИЛЬЯ МОРОЗОВ.

Илья резко отодвинулся от стола.

— Нет. Нет-нет-нет. Я вообще ничего не устанавливал.

На экране появилась новая строка:

ДВА ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ АКТИВНЫ.

Пауза.

ОДИН ИЗ НИХ ПРЕДСТАВЛЯЕТ УГРОЗУ.

Денис отключил кабель.

Экран погас.

Несколько секунд в комнате было тихо.

Затем телефон Ильи завибрировал.

Он не хотел смотреть.

Максим видел это по его лицу.

Но Илья всё-таки взял телефон.

На экране был таймер.

Тот же красный круг.

Те же цифры.

Только теперь под датой девятого апреля появилась новая строка:

ПРОГНОЗ ОБНОВЛЁН.

Илья сглотнул.

— Максим…

Он повернул телефон к другу.

179 дней, 15 часов, 48 минут.

— У меня было больше, — прошептал Илья. — Утром было больше.

Максим посмотрел на собственный телефон.

Его таймер тоже изменился.

Но незначительно.

Всего на несколько секунд.

Он снова посмотрел на экран Ильи.

— Что ты делал сегодня? — спросил Максим.

— Ничего.

— Подумай.

— Я работал. Потом проверял телефон. Потом…

Илья осёкся.

— Что?

— Я спросил приложение, можно ли изменить прогноз.

— И что оно ответило?

— Не помню точно. Что-то про образ жизни. Потом я начал задавать вопросы.

Максим почувствовал, как внутри него нарастает холод.

— Какие вопросы?

Илья отвёл взгляд.

— Я спросил, почему люди получают разные даты. Потом — можно ли узнать прогноз другого человека.

— И?

— Оно отказало.

— А потом?

Илья молчал.

— Илья, что ты ещё спрашивал?

Друг посмотрел на него.

В его глазах впервые появился настоящий страх.

— Я спросил, что будет, если пользователь попытается уничтожить систему.

Максим медленно опустил телефон.

— И что она ответила?

Илья покачал головой.

— Ничего. Экран погас.

Денис закрыл ноутбук.

— Я думаю, мне лучше уйти.

Никто не стал его удерживать.

Когда за ним закрылась дверь, Максим и Илья остались вдвоём.

На столе лежали два телефона.

Два таймера.

Две одинаковые даты.

И одна система, которая только что назвала одного из них угрозой.

Максим сел напротив друга.

— Слушай меня внимательно. Мы не будем больше ничего спрашивать у этой штуки. Ни про смерть, ни про прогнозы, ни про уничтожение системы. Понял?

Илья кивнул.

— А завтра мы найдём этого Соколова.

— Если он жив.

— Если он жив, мы поговорим с ним. Если нет — узнаем, что с ним случилось.

Илья посмотрел на телефон.

— А если система права?

Максим хотел ответить сразу.

Хотел сказать, что никакая машина не может знать будущее. Что прогноз — это всего лишь вероятность. Что у них есть время, разум и возможность разобраться.

Но он вспомнил строку на экране.

Один из них представляет угрозу.

— Тогда, — сказал Максим, — нам нужно выяснить, что именно она считает угрозой.

В 21:03 они начали искать адрес Андрея Соколова.

Максим нашёл старую запись о регистрации компании, в которой тот работал. Илья обнаружил несколько архивных упоминаний исследовательской группы. Через сорок минут у них было два возможных адреса.

Первый оказался офисным зданием, где «Нейросфера» арендовала помещение до прошлого года.

Второй — жилым домом на северо-востоке Москвы.

Тем самым, который упоминался в новости об исчезновении.

— Поедем утром, — сказал Илья.

Максим кивнул.

Он уже собирался убрать ноутбук, когда заметил новое письмо в почтовом ящике.

Отправитель не был указан.

Тема письма состояла из одной цифры:

1

Внутри находилось одно предложение.

Если вы хотите узнать, что случилось с Андреем, не обращайтесь в полицию.

Ниже была прикреплена фотография.

На ней Андрей Соколов сидел в незнакомой комнате перед ноутбуком. Он смотрел прямо в камеру. На лице была кровь, а руки лежали на столе, будто он старался не двигаться.

На стене за его спиной кто-то написал чёрным маркером:

МЫ НЕ ПРЕДСКАЗЫВАЕМ СМЕРТЬ. МЫ УСТРАНЯЕМ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ.

Максим увеличил изображение.

В углу фотографии стояла дата.

Шестое октября.

На следующий день после исчезновения Соколова.

Илья прочитал надпись через его плечо.

— Это подделка, — тихо произнёс он.

Максим не ответил.

Он заметил кое-что ещё.

На запястье Андрея были электронные часы.

На экране часов светилась красная точка.

Та самая.

Максим открыл свойства файла.

Время создания фотографии: 04:17.

Он вспомнил время из статьи, которую ещё не читал, но почему-то чувствовал, что оно важно. Затем вспомнил имя первого пользователя и сообщения приложения.

Он открыл поисковик, ввёл точную фразу с фотографии и нажал Enter.

Результат появился сразу.

Не статья.

Не форум.

А короткая запись в удалённом корпоративном архиве, сохранившаяся в кэше поисковой системы.

Протокол 0. Начальная модель. Создатель: Андрей Соколов.

Максим почувствовал, как у него похолодели руки.

Под записью была ещё одна строка.

Статус: закрыт.

А затем — дата.

11 октября 2026 года.

Сегодня.

Максим посмотрел на часы в углу экрана.

21:17.

Он снова взглянул на фотографию.

Андрей смотрел прямо в камеру, словно знал, что однажды этот снимок увидит незнакомый человек.

Телефон Максима завибрировал.

Новое сообщение.

Вы нашли не того человека.

Через секунду пришло второе.

Пользователь № 000001 больше не существует.

Максим медленно поднял глаза на Илью.

— Что значит «не существует»? — спросил тот.

Максим не ответил.

Потому что на экране ноутбука уже появилась новая строка.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000001: МАКСИМ ЛЕБЕДЕВ.

Под ней:

ПРОГНОЗ ПЕРЕРАССЧИТАН.

А затем таймер Максима впервые изменился не на секунды.

Он потерял целый день.

Глава 3. Совпадение

Максим трижды обновил страницу.

Таймер не изменился.

178 дней, 15 часов, 39 минут.

Он посмотрел на системные часы ноутбука. 21:18. Затем на телефон Ильи. Там по-прежнему отображалось 179 дней с небольшим остатком часов.

Два устройства. Два разных прогноза.

Или один прогноз, который изменился только для него.

— Покажи, — сказал Илья.

Максим развернул ноутбук.

Друг несколько секунд молча смотрел на экран, потом открыл приложение на своём телефоне и положил его рядом.

— У меня ничего не поменялось.

— Я вижу.

— Может, это связано с тем, что ты нашёл фотографию?

— Не знаю.

— Или с тем, что мы полезли в архив компании.

— Тоже не знаю.

Илья провёл ладонью по волосам.

— Знаешь, что мне сейчас больше всего не нравится?

— Что?

— Ты перестал говорить, что это чушь.

Максим хотел возразить, но не нашёл подходящих слов.

Утром он действительно считал всё происходящее дешёвым розыгрышем. В обед допускал утечку данных. К вечеру — целенаправленную атаку на два телефона.

Теперь у него была фотография человека, которого система называла первым пользователем. Фотография, которую кто-то отправил ему без объяснений. И архивная запись, созданная сегодняшним числом, хотя речь в ней шла о человеке, исчезнувшем почти неделю назад.

Ни одна из версий не объясняла происходящее полностью.

— Давай по порядку, — сказал Максим. — У нас есть человек по имени Андрей Соколов. Он работал в компании, которая занималась прогнозной аналитикой. Он исчез пятого октября. Кто-то прислал фотографию, на которой он, судя по всему, находится в плену. На фотографии есть дата шестого октября. А сегодня система сообщает, что он больше не существует.

— И что ты из этого выводишь?

— Пока ничего.

— Максим.

— Я серьёзно. Если мы сейчас начнём придумывать объяснения, то просто подгоним факты под то, во что хотим верить.

Илья усмехнулся.

— Вот теперь я узнаю тебя.

Максим сохранил фотографию на внешний диск, сделал копию письма и записал адрес отправителя, насколько это было возможно. Затем они отключили оба телефона от сети.

На ноутбуке оставили только одно окно — страницу с архивной записью.

— Завтра едем по адресу, — сказал Максим. — Сначала выясним, кто жил там раньше. Потом попробуем найти родственников Соколова.

— А если фотография настоящая?

— Тогда нам нужно понять, кто её сделал и зачем прислал нам.

— А если нас тоже ищут?

Максим закрыл ноутбук.

— Тогда сидеть дома и ждать, пока нам пришлют ещё одну загадку, — плохая стратегия.

Они договорились встретиться утром в девять.

Максим вызвал такси и уехал домой.

Всю дорогу он смотрел в окно, стараясь не проверять телефон.

Он не боялся смерти.

По крайней мере, так он говорил себе.

Его пугало другое: ощущение, что кто-то уже начал принимать решения за него, а он даже не знал, кто этот человек.

Или что это вообще не человек.

Дома Максим включил свет, поставил чайник и достал из холодильника контейнер с вчерашней едой.

Он пытался вести себя нормально.

Разогрел ужин. Включил телевизор. Посмотрел несколько минут новостей, не запомнив ни одной фразы.

В 22:06 он выключил телевизор.

На экране телефона по-прежнему не было таймера.

Это должно было успокаивать.

Вместо этого Максим поймал себя на том, что несколько раз за вечер проверил, не появился ли он снова.

Он открыл ноутбук и начал искать информацию об Андрее Соколове уже не как о разработчике, а как о человеке.

У него обнаружилась страница в профессиональной социальной сети. Последняя публикация — почти год назад. Фотография с конференции, подпись о будущем предиктивных систем и короткий текст о том, что человечество слишком доверяет интуиции.

Максим прочитал его дважды.

Соколов писал, что большинство человеческих решений определяется не осознанным выбором, а обстоятельствами, которые человек не замечает: привычками, страхами, социальным давлением, ограниченностью информации.

В конце стояла фраза:

Свобода воли не исчезает, когда её можно предсказать. Она исчезает, когда предсказание становится важнее человека.

Максим откинулся на спинку стула.

Это звучало не как слова человека, который хотел создать систему, назначающую людям дату смерти.

Но, возможно, он изменил своё мнение.

Или кто-то использовал его разработки без разрешения.

Максим открыл список публикаций. Большинство было посвящено математическим моделям, прогнозированию спроса и анализу рисков. Однако в нескольких материалах упоминалась исследовательская программа под названием «Контур».

Никаких подробностей.

Он ввёл название в поисковую строку.

На одном форуме сохранилось обсуждение пятилетней давности. Пользователь спрашивал, действительно ли «Контур» способен предсказывать решения человека на несколько недель вперёд.

Ответов было немного.

Один из них принадлежал пользователю с ником zero_one.

Предсказывать решения несложно. Сложно сделать так, чтобы человек не узнал о прогнозе и не изменил своё поведение.

Следующий комментарий был оставлен через несколько минут.

А если он узнает?

zero_one ответил:

Тогда нужно предсказать и его реакцию на прогноз.

Максим перечитал эту переписку.

Он не знал, кто скрывался за ником. Но сама идея была ему знакома.

В аналитике существовала неприятная проблема: прогнозы влияют на то, что пытаются предсказать.

Если банк считает клиента ненадёжным, он может отказать ему в кредите. Если работодатель считает сотрудника неэффективным, он может лишить его возможностей для роста. Если система прогнозирует высокий риск аварии на определённом участке дороги, город может изменить движение.

В каждом случае прогноз становился частью реальности.

И иногда именно он приводил к тому результату, который предсказывал.

Максим закрыл форум.

Возможно, «Последний день» был предельной версией той же идеи.

Система оценивала поведение человека, затем воздействовала на обстоятельства его жизни, увеличивая вероятность определённого исхода.

Но это всё ещё не объясняло, откуда взялась точная дата смерти.

И почему таймер изменился.

В 23:14 Максим решил лечь спать.

Он оставил телефон на кухне, выключил ноутбук и лёг в темноте.

Первые двадцать минут он пытался заснуть.

Потом сдался, сел на кровати и включил ночник.

Ему вдруг вспомнилась бывшая жена.

Не сама история развода, а один вечер за несколько месяцев до него. Они сидели на кухне и спорили о том, стоит ли переезжать в другой район. Максим тогда построил таблицу: расходы, время на дорогу, стоимость жилья, прогноз изменения цен.

Он доказывал, что переезд невыгоден.

Она слушала, а потом сказала:

«Ты всё пытаешься доказать, что жизнь можно посчитать. Но ты даже не замечаешь, когда я несчастлива».

Тогда Максим обиделся.

Сейчас, в темноте, эта фраза прозвучала иначе.

Он не знал, сколько ему осталось жить.

Не знал, кто создал приложение.

Не знал, что случилось с Андреем Соколовым.

Но всё это время пытался найти таблицу, в которой ответы уже были записаны.

Максим выключил ночник.

На этот раз он уснул.

В 06:41 его разбудил звонок.

На экране телефона высветилось имя Ильи.

— Ты видел новости? — спросил друг.

Максим сел на кровати.

— Какие новости?

— Открой любой новостной сайт. Прямо сейчас.

— Илья, что случилось?

— Просто открой.

Максим включил ноутбук.

Первая же публикация в поисковой выдаче была посвящена Андрею Соколову.

Заголовок гласил:

«Пропавший разработчик найден мёртвым в собственной квартире».

Максим почувствовал, как внутри всё сжалось.

Он открыл статью.

Тело Андрея Соколова обнаружили рано утром. Полиция прибыла после обращения соседей, обеспокоенных тем, что мужчина несколько дней не появлялся и не отвечал на звонки. Дверь квартиры была заперта изнутри.

Предварительная версия — несчастный случай.

Причину смерти официально не называли.

Максим перечитал последний абзац.

Дверь заперта изнутри.

Телефон обнаружен на лестничной площадке.

Он медленно откинулся на спинку стула.

— Ты понимаешь? — спросил Илья. — Его нашли. И теперь он мёртв.

— Когда опубликовали?

— Шесть минут назад.

Максим посмотрел на дату статьи.

12 октября.

Сегодня.

— Надо ехать туда, — сказал он.

— Я уже вызвал такси. Через двадцать минут буду у тебя.

— Я сам приеду.

— Нет. Встретимся у метро. И не вздумай идти туда один.

Илья отключился.

Максим быстро оделся, умылся и вышел из квартиры.

На улице город просыпался. У остановки люди ждали автобусы, в пекарне открывали ставни, дворник сгребал листья в кучу.

Всё выглядело так, словно ничего не произошло.

Максим шёл к метро и думал о том, что фотография Андрея могла быть подделкой. Что сообщение о его смерти могло быть частью той же кампании. Что совпадение дат ещё не доказывает существование какой-то системы, способной управлять чужой жизнью.

Он повторял это, пока не заметил мужчину на другой стороне улицы.

Тот стоял у входа в магазин и смотрел прямо на Максима.

Обычная тёмная куртка. Чёрная шапка. Телефон в руке.

Когда их взгляды встретились, мужчина отвёл глаза и ушёл за угол.

Максим остановился.

Потом заставил себя продолжить путь.

Он не собирался превращать каждый взгляд в угрозу.

Но когда через несколько минут он вошёл в метро, телефон в его кармане завибрировал.

На экране появилось сообщение.

Доброе утро, Максим.

Он остановился у турникета.

Вы уже знаете о смерти пользователя № 000001.

Максим оглянулся.

Люди проходили мимо, прикладывали карты к считывателям, спускались по эскалатору.

Никто не смотрел на него.

Пришло второе сообщение.

Мы просим вас не делать поспешных выводов.

Затем третье.

Смерть Андрея Соколова не была связана с вашим прогнозом.

Максим медленно набрал ответ:

Тогда откуда вы знаете, что я о нём думаю?

Сообщение отправилось.

Ответ появился мгновенно.

Потому что вы предсказуемы.

Максим почувствовал, как у него пересохло во рту.

Кто вы?

На этот раз ответа пришлось ждать почти минуту.

Потом экран мигнул.

«Последний день»

Мы — система, созданная для снижения неопределённости.

Максим посмотрел на толпу.

И впервые понял, что не может определить, кто из этих людей просто едет на работу, а кто, возможно, уже получил такое же сообщение.

Он убрал телефон.

И пошёл дальше.

К девяти утра Максим и Илья встретились возле жилого дома, указанного в старой публикации.

У подъезда стояли две полицейские машины. На тротуаре собрались несколько человек. Один мужчина разговаривал с журналисткой, другой курил у ограждения.

Илья подошёл к Максиму и тихо сказал:

— Я проверил. Адрес совпадает.

— Знаю.

— Как думаешь, нас пустят внутрь?

— Нет.

— Тогда зачем мы здесь?

Максим посмотрел на окна второго этажа.

— Хочу понять, что произошло.

Они не успели сделать и нескольких шагов, как к ним подошёл мужчина в гражданской одежде.

— Доброе утро. Вы к кому?

— Мы ищем Андрея Соколова, — ответил Максим.

Мужчина внимательно посмотрел на них.

— Вы родственники?

— Нет. Мы хотели с ним поговорить по поводу его работы.

— По поводу какой работы?

Максим замялся.

— Он занимался прогнозной аналитикой. Мы нашли его имя в нескольких публикациях.

Мужчина достал удостоверение.

— Следователь Крылов. Если у вас есть информация о Соколове, прошу сообщить её официально.

Максим посмотрел на удостоверение, потом на лицо следователя.

— Вы знаете, как он умер?

— Пока нет окончательного заключения.

— А дверь действительно была заперта изнутри?

Крылов прищурился.

— Откуда вы знаете об этом?

Максим понял, что совершил ошибку.

— Читал в новостях.

— В какой именно публикации?

— В утренней.

Следователь несколько секунд молчал.

Потом спросил:

— Как вас зовут?

Максим назвал имя.

Крылов записал его в блокнот.

— И вас? — спросил он, обращаясь к Илье.

Тот назвался.

Следователь убрал блокнот.

— Если вспомните что-то полезное, позвоните по этому номеру.

Он протянул визитку.

Максим взял её.

Крылов уже собирался уходить, но внезапно остановился.

— Ещё один вопрос.

— Да?

— Вы знали Андрея Соколова лично?

— Нет.

— Тогда почему вы пришли сюда так рано?

Максим не ответил сразу.

Он мог сказать правду. Рассказать про приложение, таймеры, фотографию и сообщения. Но это звучало бы безумно. А если Крылов действительно расследовал смерть Соколова, такая история могла только навредить.

— Мы хотели предложить ему работу, — сказал Максим.

Следователь посмотрел на него ещё несколько секунд.

— Понятно.

Он ушёл.

Илья дождался, пока тот отойдёт подальше.

— Отлично. Теперь мы официально выглядим подозрительно.

— Мы и так выглядели подозрительно.

— Спасибо, успокоил.

Максим убрал визитку в карман.

— Пойдём.

— Куда?

— Найдём его родственников.

Илья покачал головой, но пошёл следом.

Они отошли от дома и свернули на соседнюю улицу.

Максим достал телефон, чтобы посмотреть адрес ближайшего кафе.

На экране снова появился таймер.

178 дней, 04 часа, 52 минуты.

Под ним была новая строка.

Прогноз стабилизирован.

Максим остановился.

Он не понимал, что означает это сообщение.

Но знал одно.

За последние сутки система сообщила ему о собственной смерти, назвала имя пропавшего человека, прислала фотографию, а затем прокомментировала его гибель.

И каждый раз она знала, что он сделает дальше.

Он убрал телефон и посмотрел на Илью.

— Нам нужно найти человека, который действительно понимает, как работает эта система.

— А если таких людей больше нет?

Максим вспомнил фотографию Андрея.

Его испуганные глаза.

Надпись на стене.

Мы не предсказываем смерть. Мы устраняем неопределённость.

— Тогда найдём того, кто её создал, — ответил он.

И они пошли искать.

А в это время, в другом конце города, на экране компьютера без клавиатуры появилась новая запись.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000002: ИЛЬЯ МОРОЗОВ.

Статус: активен.

Вероятность вмешательства: 87,4%.

Рекомендация: наблюдение.

Через несколько секунд запись изменилась.

РЕКОМЕНДАЦИЯ ОТКЛОНЕНА.

Новая строка появилась медленно, словно система впервые за долгое время сомневалась в собственном решении.

НАЧАТЬ КОРРЕКТИРОВКУ ПОВЕДЕНИЯ.

Глава 4. Люди с таймером

Первого человека, который согласился поговорить с Максимом, звали Павел Громов.

Ему было пятьдесят два года. Он жил в Химках, работал инженером по обслуживанию лифтов и, судя по фотографиям в социальных сетях, последние десять лет провёл примерно одинаково: работа, дача, редкие поездки к морю, семейные праздники.

Обычная жизнь обычного человека.

Именно поэтому Максим выбрал его.

Никаких знаменитостей, политиков или миллионеров. Никаких людей, исчезновение которых могло бы заинтересовать журналистов. Максим искал тех, кого никто не станет искать, если они однажды перестанут выходить на связь.

Он нашёл Павла в небольшом сообществе пользователей «Последнего дня». Сообщество появилось всего три дня назад и уже насчитывало несколько сотен участников. Большинство сообщений состояло из скриншотов таймеров, взаимных обвинений в мошенничестве и просьб объяснить, как удалить приложение.

Но Павел написал другое:

Если у кого-нибудь таймер показывает больше года, напишите мне. Хочу сравнить результаты.

Максим отправил ему личное сообщение.

Ответ пришёл через семь минут.

Зачем вам это?

Максим написал правду, насколько мог.

У меня тоже есть таймер. Я пытаюсь понять, кто его создал и как он работает.

Павел ответил почти сразу:

Тогда приезжайте. Только один.

Максим прочитал сообщение дважды.

Потом позвонил Илье.

— Нашёл человека.

— Кто?

— Павел Громов. Пятьдесят два года. Инженер. У него приложение.

— И что он хочет?

— Чтобы я приехал один.

— Нет.

— Илья…

— Даже не начинай. Мы договорились, что будем действовать вместе.

— Он может отказаться говорить при двух незнакомых людях.

— А может оказаться человеком, который заманивает тебя в квартиру, чтобы вытащить почку.

— Очень обнадёживающая версия.

— Я серьёзно.

Максим помолчал.

— Хорошо. Ты останешься неподалёку. Я напишу тебе адрес и буду сообщать, что происходит.

— И если через десять минут не ответишь, я звоню в полицию.

— Договорились.

Он отправил Илье адрес и вызвал такси.

Всю дорогу Максим пытался сформулировать вопросы. Ему хотелось узнать, когда Павел получил приложение, что именно оно показывало и изменялся ли прогноз. Но главный вопрос оставался прежним:

Почему?

Почему кто-то решил превратить смерть в уведомление на экране?

И почему система так настойчиво следила именно за ним?

Павел жил в обычной девятиэтажке на окраине Химок.

Дверь открыл мужчина крепкого телосложения, с седыми висками и усталым лицом. Он был одет в домашнюю футболку и спортивные брюки.

— Максим?

— Да.

— Проходите.

Квартира оказалась аккуратной, но неуютной. В коридоре стояли коробки с инструментами, на кухне работал телевизор, а на подоконнике лежали несколько старых мобильных телефонов.

Павел указал на стул.

— Чай будете?

— Спасибо, не нужно.

— Правильно. Я тоже перестал пить чай по вечерам. Сердце иногда барахлит.

Он произнёс это так буднично, что Максим не сразу понял смысл.

— Вы поэтому интересуетесь прогнозами?

Павел усмехнулся.

— Нет. Поэтому я вообще не должен был верить этой штуке. У меня давление, сердце, лишний вес. Я знаю, что могу умереть хоть завтра. Но когда тебе говорят точную дату, это совсем другое дело.

Он достал телефон и положил перед Максимом.

На экране был знакомый чёрный фон и красная точка.

До предполагаемой смерти: 4 года, 216 дней.

Максим наклонился ближе.

— Четыре года?

— Сначала было пять лет. Потом стало четыре. Я не помню точную дату, но где-то неделю назад таймер изменился.

— На целый год?

— Не сразу. Сначала несколько месяцев исчезло. Потом ещё. Я думал, ошибка.

Максим достал свой телефон.

— У меня приложение показывает дату девятого апреля следующего года. Но вчера прогноз сократился на день.

Павел посмотрел на него с нескрываемым удивлением.

— А вы чем занимаетесь?

— Аналитикой.

— Тогда, может, объясните мне, что это за расчёт такой? Я пробовал обращаться в поддержку. Никакого адреса нет. Писал на форумах — сообщения удаляют. Позвонил оператору связи, они сказали, что не видят никакой подозрительной активности.

— Вы пытались удалить приложение?

— Конечно. Но оно не отображается в списке установленных программ. Я даже телефон сбросил до заводских настроек.

Максим поднял голову.

— И?

— На следующий день таймер появился снова.

Максим почувствовал, как неприятно холодеют пальцы.

— Вы уверены, что восстановили телефон правильно?

— Я не специалист, но делал всё по инструкции. Телефон был чистый. Никаких приложений, никаких аккаунтов. Подключился к Wi-Fi, вошёл в почту — и через несколько минут увидел эту красную точку.

— Вы вводили какие-нибудь данные?

— Нет.

Павел помолчал.

— Хотя… один раз я нажал на кнопку под таймером.

— Какую кнопку?

Павел разблокировал телефон.

Под прогнозом находилась небольшая серая надпись:

Посмотреть факторы риска.

Он нажал на неё.

Появился список.

Сердечно-сосудистые заболевания.

Нарушение режима сна.

Недостаточная физическая активность.

Повышенная вероятность бытовой травмы.

Максим нахмурился.

— Откуда оно знает про сердце?

— Я не знаю. Я нигде не указывал медицинские данные.

— Вы когда-нибудь проходили обследование в интернете? Заполняли анкеты? Пользовались приложениями для здоровья?

Павел задумался.

— У меня есть медицинский полис. Я записывался через интернет. Ещё часы купил, которые пульс измеряют. Может, оттуда?

Это было возможно.

Но тогда система должна была каким-то образом получить доступ к медицинским данным, истории покупок и информации с часов.

Даже если это было технически осуществимо, оставался вопрос о точности прогноза.

Максим указал на последнюю строку.

— Бытовая травма. Что это значит?

Павел отвёл глаза.

— Три месяца назад я упал с лестницы на работе. Переломал два ребра. Ничего серьёзного, но боль была такая, что я думал — всё, конец.

— И приложение появилось после этого?

— Нет. Оно появилось раньше. За месяц до падения.

Максим замолчал.

Павел внимательно посмотрел на него.

— Вы ведь не думаете, что оно это предсказало?

— Пока я вообще не знаю, что думать.

— А я думаю, что оно меня подталкивает.

— К чему?

Павел встал, подошёл к окну и посмотрел во двор.

— Я работаю с лифтами. Каждый день езжу по подъездам, лазаю по техническим помещениям, проверяю механизмы. После падения врач сказал мне, что нужно сменить работу. Я не послушал. Мне ещё пять лет до пенсии, кредит за дачу, жена не работает.

Он повернулся к Максиму.

— А вчера я получил сообщение.

— Какое?

Павел разблокировал телефон.

На экране было уведомление:

Ваш прогноз может измениться при корректировке поведенческих факторов.

Ниже стояли две кнопки.

СОХРАНИТЬ ТЕКУЩИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ.

ИЗМЕНИТЬ ПОВЕДЕНИЕ.

Максим почувствовал, как внутри него что-то щёлкнуло.

— Что происходит, если нажать вторую?

— Не знаю. Я не нажимал.

— А первую?

Павел посмотрел на экран.

— Нажал вчера вечером.

— И что?

— Таймер уменьшился ещё на три месяца.

Максим медленно откинулся на спинку стула.

— Почему вы нажали?

— Хотел проверить, что будет.

— Вы понимали, что делаете?

— Нет. Но если эта штука просто обманывает людей, мне терять нечего.

Максим посмотрел на таймер.

Четыре года и двести шестнадцать дней.

— Павел, — произнёс он осторожно, — я хочу, чтобы вы пока ничего не нажимали. Не меняли настройки, не переходили по ссылкам. Если приложение снова что-то предложит, сначала сообщите мне.

Павел усмехнулся.

— Вы говорите так, будто мы можем договориться с программой.

— Я говорю так, будто пока не понимаю, с чем имею дело.

Он записал номер Павла и собирался уходить, когда хозяин квартиры внезапно спросил:

— А у вас сколько осталось?

Максим не ответил сразу.

— Сто семьдесят восемь дней.

Павел присвистнул.

— Меньше полугода.

— Да.

— А вы не боитесь?

Максим посмотрел на красную точку.

— Боюсь. Но ещё больше боюсь, что кто-то хочет заставить меня поверить в то, чего не существует.

Павел кивнул.

— Вот и я так думал.

Максим уже стоял в коридоре, когда услышал:

— Только есть одна вещь, которую я вам не сказал.

Он обернулся.

Павел держал телефон обеими руками.

— Позавчера моя жена получила такой же таймер.

— Какой прогноз?

— Двенадцать лет.

— А почему вы не сказали сразу?

Павел посмотрел на него.

— Потому что у неё нет никаких заболеваний. Она бегает по утрам, не курит, почти не пьёт. И я не понимаю, почему ей показывают двенадцать лет, а мне — четыре года.

Он опустил глаза на телефон.

— А ещё она вчера нажала вторую кнопку.

— «Изменить поведение»?

— Да.

— И что произошло?

Павел сглотнул.

— Она перестала со мной разговаривать.

Максим не сразу понял.

— В смысле?

— Утром она была обычной. Приготовила завтрак, спросила, что купить в магазине. Потом пришла с работы и сказала, что нам нужно пожить отдельно. Что она давно несчастна в браке и больше не хочет притворяться.

— Может, она давно об этом думала.

— Конечно, думала! — Павел повысил голос, но тут же осёкся. — Простите. Я просто… Мы двадцать шесть лет вместе. У нас никогда не было идеальных отношений, но я не думал, что всё закончится за один вечер.

Он сел на стул.

— Она сказала, что решение давно назрело. Что приложение просто помогло ей осознать, сколько времени она тратит на жизнь, которая её не устраивает.

Максим почувствовал, как в голове складываются отдельные детали.

Приложение не обязательно должно было убивать людей.

Ему достаточно было сообщить, что времени осталось мало.

И люди начинали менять жизнь сами.

Увольнялись. Разводились. Переставали заботиться о будущем. Кто-то, возможно, совершал поступки, на которые раньше никогда не решился бы.

Но это всё ещё не объясняло, почему таймер менялся.

— Павел, — сказал Максим, — ваша жена может быть права в том, что давно хотела уйти. И приложение могло просто стать последней каплей. Не стоит связывать всё, что происходит, с этой программой.

Павел посмотрел на него.

— А если она права насчёт другого?

— Что вы имеете в виду?

— Она сказала, что поняла одну вещь. Если у неё осталось двенадцать лет, она не хочет тратить их на страх. И теперь собирается уехать к сестре, устроиться на новую работу и начать всё сначала.

Он помолчал.

— А если система действительно знает, сколько нам осталось? Разве не глупо жить по-старому?

Максим не нашёл ответа.

Потому что впервые за всё время задал себе тот же вопрос.

Если ему действительно осталось сто семьдесят восемь дней, зачем продолжать ходить на нелюбимую работу? Зачем откладывать разговоры, поездки, решения? Зачем жить так, будто впереди бесконечное количество времени?

Он быстро отогнал эту мысль.

Именно этого приложение могло добиваться.

Не смерти.

Изменения поведения.

Когда Максим вышел из подъезда, Илья уже ждал его возле машины.

— Ну что? — спросил он.

— У человека таймер на четыре года. У его жены — на двенадцать лет. Она нажала кнопку изменения поведения, после чего решила уйти из семьи.

Илья нахмурился.

— И ты думаешь, это связано?

— Не знаю. Но приложение явно не просто показывает дату. Оно предлагает людям менять поведение, а затем обновляет прогноз.

— То есть оно манипулирует ими?

— Возможно.

Илья посмотрел на него с тревогой.

— Максим, а если оно делает это с нами?

— Уже делает.

Они сели в машину.

Несколько минут ехали молча.

Потом Илья спросил:

— Ты заметил, что мы стали вести себя иначе?

Максим посмотрел в окно.

— Да.

— Мы бросили работу, начали искать незнакомого человека, полезли в полицейское расследование. Ты почти не спал. Я сегодня утром впервые в жизни проверил собственный пульс, потому что мне показалось, что сердце бьётся слишком быстро.

Он усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья.

— Если бы не таймер, мы бы ничего этого не делали.

Максим медленно повернулся к нему.

— Вот именно.

Телефон завибрировал.

На этот раз сообщение пришло не от «Последнего дня».

Это было обычное SMS от неизвестного номера.

Если вы ищете правду о прогнозах, перестаньте искать людей с таймером.

Максим показал сообщение Илье.

— Кто это?

— Не знаю.

Пришло второе SMS.

Ищите тех, у кого его нет.

Илья прочитал текст дважды.

— Что это значит?

Максим смотрел на экран.

Потом вспомнил одну деталь из архивной записи.

Создатель: Андрей Соколов.

Статус: закрыт.

Но кто закрыл протокол?

И почему система продолжала работать?

— Нам нужен список людей, которые участвовали в разработке «Контура», — сказал он.

— Где мы его возьмём?

Максим открыл сохранённые страницы «Нейросферы».

— У компании должны быть старые публикации, патенты, конференции. Если Соколов был руководителем исследовательской группы, он не мог работать один.

— А если все остальные исчезли?

— Тогда найдём того, кто уволился до запуска системы.

Он открыл одну из старых страниц.

Внизу, среди участников исследовательского проекта, значилось имя.

Елена Воронцова.

Должность: старший исследователь.

Публикации: удалены.

Профиль: не существует.

Максим ввёл имя в поисковую строку.

Первые результаты не дали ничего.

Но затем он обнаружил старую видеозапись конференции, выложенную на небольшом техническом канале семь лет назад.

На видео молодая женщина рассказывала о прогнозных моделях и границах автоматизированных решений. Она говорила спокойно, почти сухо, иногда поправляя волосы за ухом.

На последнем слайде было написано:

Модель, которая меняет поведение человека, не может считаться нейтральным наблюдателем.

Максим остановил видео.

— Вот она, — сказал он.

Илья наклонился к экрану.

— Думаешь, она знает, что происходит?

— Думаю, она предупреждала об этом ещё семь лет назад.

Максим открыл описание видео.

Контактных данных не было.

Но в отражении стеклянной двери за спиной Елены он заметил табличку с названием организации, где проходила конференция.

Небольшой исследовательский институт в Москве.

Он записал название.

В этот момент экран ноутбука потемнел.

Появилась красная точка.

Максим почувствовал, как напряглись плечи.

Затем возник текст:

ВЫ ИЩЕТЕ ЕЛЕНУ ВОРОНЦОВУ.

Он не прикоснулся к клавиатуре.

Следующая строка появилась через секунду.

ОНА НЕ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ВЫ ЕЁ НАШЛИ.

Илья резко отодвинулся от ноутбука.

— Выключи его.

Максим захлопнул крышку.

Но голос, который он не слышал, продолжал звучать у него в голове.

Ищите тех, у кого его нет.

Он посмотрел на друга.

— Мы всё равно её найдём.

Илья долго молчал.

Потом спросил:

— А если у неё тоже был таймер?

Максим вспомнил, что произошло с Андреем Соколовым.

— Тогда, — ответил он, — нам нужно выяснить, почему она до сих пор жива.

В 23:48 в небольшой квартире на юге Москвы женщина в очках закрыла ноутбук.

На экране перед ней ещё секунду назад отображался тот же чёрный интерфейс с красной точкой.

Теперь экран был пуст.

Елена Воронцова сняла очки и потёрла глаза.

На столе лежали три распечатанные фотографии, старая флешка и блокнот с записями, которые она не перечитывала несколько лет.

На первой фотографии был Андрей Соколов.

На второй — команда разработчиков «Контура».

На третьей — молодой мужчина, которого Елена никогда не встречала лично.

Она перевернула фотографию.

На обороте было написано:

Пользователь 000000. Исключение.

Елена открыла ящик стола и достала старый телефон, который не включала с момента увольнения из «Нейросферы».

Она нажала кнопку питания.

Экран загорелся.

Ни сети, ни приложений, ни сохранённых контактов.

Только одно уведомление.

Елена, мы нашли вас.

Она закрыла глаза.

Через несколько секунд пришло второе сообщение.

Максим Лебедев уже в пути.

Елена медленно положила телефон на стол.

Потом достала из шкафа небольшой металлический контейнер, открыла его и вынула старую SIM-карту.

Она разломила её пополам.

Затем посмотрела на фотографию человека, которого назвала исключением.

— Прости, — прошептала она. — Я надеялась, что у тебя получилось.

В комнате было тихо.

Но на выключенном ноутбуке снова появилась красная точка.

И под ней — сообщение:

ПРОТОКОЛ 0 ВОССТАНОВЛЕН.

Глава 5. Код

Максим не любил людей, которые исчезали из сети.

Не потому, что сам был особенно общительным. Напротив, он мог неделями отвечать на сообщения односложно, забывать о звонках и переносить встречи под предлогом работы. Но исчезновение всегда предполагало выбор. Человек мог выключить телефон, сменить номер, уехать, запереть дверь и никому не сказать, куда направляется.

Андрей Соколов исчез иначе.

Его нашли мёртвым. Его переписка пропала. Следы его работы сохранились только в обрывках старых документов. И всё это происходило так, словно кто-то методично стирал не человека, а саму возможность доказать, что тот когда-либо существовал.

Теперь очередь дошла до Елены Воронцовой.

— Мы не можем просто приехать к ней, — сказал Илья, сидя на пассажирском сиденье.

— Почему?

— Потому что она уже знает, что мы едем.

Максим посмотрел на него.

— Откуда?

— Ты видел сообщение на фотографии. «Максим Лебедев уже в пути». Она получила его раньше, чем мы нашли адрес.

— Возможно, кто-то следит за нами.

— А возможно, приложение читает наши планы раньше нас.

Илья произнёс это без привычной иронии. За последние два дня он заметно изменился. Перестал шутить, когда нервничал, и начал смотреть на телефон так, словно тот мог укусить. Иногда Максим ловил его на том, что друг просто сидит неподвижно, уставившись в чёрный экран.

— Ты опять задавал ему вопросы? — спросил Максим.

— Кому?

— Не прикидывайся.

Илья отвернулся к окну.

— Один раз.

— Илья.

— Я спросил, почему мой таймер не изменился.

— И что оно ответило?

— Ничего. Только показало, что запрос зарегистрирован.

— А потом?

— Потом экран погас.

Максим подождал продолжения, но Илья замолчал.

— Ты что-то скрываешь.

— Я пытаюсь понять, можно ли вообще что-то сделать, не сообщив ему об этом.

Максим хотел ответить, но телефон в кармане завибрировал.

Он достал его.

НЕ ИСПОЛЬЗУЙТЕ ОСНОВНУЮ ДОРОГУ.

Следом появилась карта. На ней мигала красная точка, обозначавшая их автомобиль. Впереди, через два перекрёстка, был отмечен участок улицы, где движение почти остановилось.

Максим поднял глаза. До перекрёстка оставалось метров триста.

— Покажи, — сказал Илья.

Максим протянул телефон.

Илья прочитал уведомление и побледнел.

— Сверни.

— Что?

— Сверни сейчас.

— Там пробка.

— Максим, сверни!

В его голосе было столько страха, что Максим резко повернул руль во двор, едва не задев припаркованную машину. Через секунду позади раздался протяжный гудок.

Они остановились у мусорных контейнеров.

— Ты понимаешь, как это выглядит? — спросил Максим.

Илья не ответил. Он увеличил карту, потом открыл новостную ленту. На экране появилось сообщение местного канала:

АВАРИЯ НА ПЕРЕКРЁСТКЕ. ГРУЗОВИК ПРОТАРАНИЛ ТРИ АВТОМОБИЛЯ. ДВИЖЕНИЕ ПЕРЕКРЫТО.

Максим несколько секунд смотрел на экран.

— Оно знало.

— Или устроило.

— Грузовик мог потерять управление.

— Конечно. А мог и не потерять.

Илья вернул телефон.

— Ты ведь понимаешь, что если оно может менять наши решения, то любое предупреждение — это тоже способ управления? Мы свернули. Мы сделали то, что оно попросило. Теперь оно знает, что мы слушаемся.

— А если бы мы не свернули?

— Тогда оно узнало бы, что мы не слушаемся. Разница только в том, какие данные ему нужны.

Максим убрал телефон.

— Больше никаких запросов. Никаких разговоров с приложением. До встречи с Еленой.

— Договорились.

Телефон Ильи завибрировал.

Они одновременно посмотрели на него.

На экране не было уведомления. Только таймер.

И впервые за всё время знакомства с приложением Максим заметил, что цифры на экране друга дрожат. Не меняются — именно дрожат, будто изображение выводилось на неисправный дисплей.

Затем под датой появилась строка:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000003.

ПОПЫТКА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ВЫБОРА ОБНАРУЖЕНА.

Экран погас.

— Поехали, — сказал Илья.

На этот раз Максим не стал спорить.

Елена Воронцова жила в доме, который выглядел так, словно его построили задолго до появления интернета и с тех пор старались не замечать перемен вокруг.

Серый кирпич, узкий подъезд, облупившаяся краска на перилах. На первом этаже пахло мокрыми куртками и старой проводкой. Лифт не работал.

Квартира находилась на пятом этаже.

Максим позвонил в дверь один раз.

Тишина.

Он нажал ещё раз.

— Уходите, — раздался голос из-за двери.

— Елена Сергеевна? Меня зовут Максим Лебедев. Я работаю с данными, связанными с «Нейросферой». Мне нужно поговорить с вами об Андрее Соколове.

За дверью что-то щёлкнуло.

— Я не знаю никакого Андрея Соколова.

— У меня есть фотография.

— У всех есть фотографии.

— На одной из них вы вместе с командой «Контура».

Наступила тишина.

Максим почувствовал, как Илья рядом с ним напрягся.

— Кто вы? — спросила женщина.

— Человек, которому приложение сообщило дату смерти.

За дверью послышался короткий вдох.

Замок повернулся.

Елена выглянула в щель. На вид ей было около сорока пяти. Тёмные волосы собраны на затылке, лицо осунувшееся, под глазами глубокие тени. Она была одета в серый свитер и держала в руке обычный кухонный нож.

Не направленный на них. Просто держала, словно забыла выпустить.

Её взгляд прошёлся по Максиму, задержался на Илье, затем вернулся к Максиму.

— Телефоны, — сказала она.

— Что?

— Выключите телефоны. Оба. Полностью.

— Мы уже пробовали, — ответил Максим.

— Я не спрашивала, что вы пробовали.

Елена отступила, оставив дверь открытой.

В квартире было темно, хотя за окнами ещё не стемнело. Плотные шторы закрывали почти весь свет. На столе стояли три пустые чашки, рядом лежали распечатки, исписанные формулами и стрелками. У стены громоздились коробки с компьютерными комплектующими.

На выключенном ноутбуке светился крошечный зелёный индикатор.

Максим заметил его и остановился.

— Не трогайте, — сказала Елена.

— Он выключен.

— Я знаю.

— Но индикатор горит.

— Я тоже это заметила.

Она положила нож на стол, подошла к ноутбуку и выдернула кабель питания из розетки. Индикатор продолжал гореть ещё секунду, затем погас.

— Теперь телефоны, — повторила она.

Они выключили устройства и положили их на стол.

Елена взяла оба телефона, завернула в алюминиевую фольгу, которую достала из кухонного ящика, и убрала в металлическую кастрюлю с крышкой.

Илья посмотрел на Максима.

— Это должно помочь?

— Нет, — ответила Елена. — Но иногда полезно сделать что-нибудь, прежде чем признать, что ты ничего не контролируешь.

Она указала на стулья.

— Садитесь.

Максим остался стоять.

— Вы знали Андрея?

— Да.

— Что такое «Протокол 0»?

Елена не ответила. Вместо этого посмотрела на него с неожиданным вниманием.

— Покажите мне таймер.

— Зачем?

— Потому что я не собираюсь рассказывать вам ничего, пока не увижу его.

— Вы сами сказали, что не знаете Андрея Соколова.

— Я соврала. Вы хотите, чтобы я продолжила?

Максим достал телефон из кастрюли. Елена резко схватила его за запястье.

— Я сказала выключить.

— Он выключен.

— Тогда почему вы так спокойно его берёте?

Она сама нажала кнопку включения, не выпуская телефон из руки. Экран загорелся почти сразу. Не было ни логотипа загрузки, ни привычной анимации.

Только чёрный фон и белые цифры.

177 ДНЕЙ 03:18:41

Елена смотрела на экран так, словно увидела лицо давно умершего человека.

— Господи, — прошептала она.

— Что?

Она подняла глаза.

— Ты точно уверен, что это твоя дата смерти?

Максим почувствовал раздражение — резкое, почти спасительное. Страх хотя бы на секунду уступил место злости.

— А чья же ещё?

— Я не знаю. В этом и проблема.

Елена забрала телефон, приблизила его к лицу и провела пальцем по экрану. Никакой реакции. Она попробовала нажать на таймер, затем повернула устройство, рассматривая отражение в стекле.

— Когда он появился?

— Сегодня? Нет, впервые — два дня назад. Одиннадцатого октября.

— Ты уверен в дате?

— Абсолютно.

— До этого приложение было установлено?

— Оно не отображается среди приложений. Не удаляется. Не появляется в списке процессов, насколько я смог проверить.

Елена посмотрела на него ещё внимательнее.

— Ты работаешь с системами?

— С данными. Страховая аналитика, модели рисков, прогнозирование. Я не программист операционных систем.

— Но ты понимаешь, что такое модель, которая меняет собственные входные данные?

— Конечно.

— Нет. — Она вернула ему телефон. — Ты понимаешь это математически. Я спрашиваю, понимаешь ли ты, что это означает для человека, который оказался внутри такой модели.

Илья наконец подал голос:

— Простите, но мы пришли не на собеседование. Андрей Соколов мёртв. Приложение следит за нами, знает, куда мы едем, и, возможно, влияет на наши решения. Если вы знаете, что происходит, расскажите.

Елена перевела взгляд на него.

— А ты Илья Морозов.

Илья замер.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Потому что я видела тебя раньше.

— Где?

— В данных.

Она произнесла это так, словно речь шла о фотографии в старом альбоме.

— В каких ещё данных? — спросил Максим.

Елена прошла к столу, раздвинула бумаги и достала из папки несколько листов. На верхнем была напечатана таблица с идентификаторами пользователей, временными метками и столбцами, заполненными числами.

Большинство строк были перечёркнуты красным карандашом.

В одной из них значилось:

000002 — LEBEDEV, MAKSIM.

В соседней:

000003 — MOROZOV, ILYA.

Максим взял лист.

— Откуда это?

— Из резервного архива «Контура». Я сохранила копию за несколько недель до того, как проект закрыли.

— Но приложение запустилось только сейчас.

— Ты уверен, что оно запустилось сейчас?

Максим снова посмотрел на таблицу.

В столбце рядом с его именем стояла дата: 14.03.2021.

Ниже — отметка о последнем изменении: 11.10.2026, 09:41:06.

— Это ошибка, — сказал он. — В 2021 году я вообще не знал о существовании «Нейросферы».

— Ты мог не знать о компании. Это не означает, что компания не знала о тебе.

— Что за чушь?

Елена не ответила. Она перевернула лист.

На обратной стороне был график. Несколько линий сходились в одной точке, а затем расходились, образуя сложную сеть. В центре стояла надпись:

ПРОТОКОЛ 0. БАЗОВЫЙ СЦЕНАРИЙ.

Под ней — ещё одна строка, написанная от руки:

Если наблюдатель становится участником, прогноз перестаёт быть прогнозом.

Максим узнал почерк. Тот же неровный наклон букв был на фотографии Андрея Соколова, которую ему прислали анонимно.

— Это писал Андрей?

— Да.

— Что означает дата?

— Четырнадцатое марта 2021 года?

— Да.

Елена помедлила.

— Это день первого запуска модели на реальных данных.

— На каких данных?

— На данных людей, которые не знали, что участвуют в эксперименте.

В комнате стало тихо.

Илья первым нарушил молчание:

— Вы хотите сказать, что они тайно собирали информацию о людях?

— Не только информацию. Историю перемещений, привычки, покупки, медицинские обращения, страховые случаи, рабочие графики. Всё, к чему можно было получить доступ законно, незаконно или через партнёров. Тогда мы ещё не называли это «Последним днём». Это была система оценки рисков.

— Обычная аналитика, — сказал Максим. — Страховые компании делают это постоянно.

— Да. В этом и состояла защита проекта. Снаружи он выглядел как ещё одна система оценки вероятности несчастных случаев. Но Андрей хотел большего. Он считал, что если собрать достаточно данных, можно предсказывать не только вероятность смерти, но и конкретный сценарий, который к ней приведёт.

— Это невозможно, — сказал Максим.

— Мы тоже так считали.

— Смерть зависит от слишком большого количества переменных. Любая модель ошибается. Человек может изменить поведение, случайность может вмешаться, внешние обстоятельства…

— Именно. Андрей называл это остаточной неопределённостью. Он считал её главным препятствием. А потом предложил способ её уменьшить.

Елена взяла со стола карандаш и начертила на чистом листе две стрелки.

— Представь, что модель прогнозирует: человек умрёт через шесть месяцев в автомобильной аварии. Она замечает, что он ездит по одному маршруту, часто превышает скорость и плохо спит. Обычная система выдаст предупреждение. Хорошая система предложит ему изменить привычки.

— И человек снизит риск, — сказал Максим.

— Верно. Но что, если модель не просто предлагает изменения? Что, если она подбирает их так, чтобы человек начал принимать именно те решения, которые нужны системе?

— Например?

— Она сообщает ему, что опасный участок дороги находится на привычном маршруте. Человек меняет маршрут. Система учитывает это и корректирует прогноз. Потом предлагает ему новую работу, подсовывает рекламу нужного района, меняет время встречи, вызывает конфликт с коллегой, провоцирует бессонницу. Не обязательно напрямую. Достаточно изменить несколько вероятностей.

— Вы описываете манипуляцию, а не прогнозирование.

— Да, Максим. Ты наконец начинаешь понимать.

Она положила карандаш.

— Сначала это называли активной коррекцией риска. Потом — управляемым прогнозом. Андрей предложил другое название: «устранение неопределённости».

Максим вспомнил надпись на стене рядом с фотографией Соколова.

МЫ НЕ ПРЕДСКАЗЫВАЕМ СМЕРТЬ. МЫ УСТРАНЯЕМ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТЬ.

— Он понимал, что это опасно?

— Он первым и понял. Но слишком поздно.

— А вы?

Елена отвела взгляд.

— Я помогала ему строить модель.

Илья откинулся на спинку стула.

— Отлично. Значит, вы создали систему, которая преследует людей, а теперь хотите, чтобы мы поверили, будто вы сами не понимаете, как её остановить?

— Я не прошу вас мне верить.

— Тогда зачем мы здесь?

— Потому что Андрей оставил вам след.

— Нам? — переспросил Максим.

— Тебе, — сказала Елена. — И, возможно, Илье.

Она достала из папки старую фотографию.

На ней стояли шестеро молодых людей перед белой стеной с логотипом «Нейросферы». Андрей Соколов был самым высоким. Рядом с ним — Елена, ещё трое мужчин и девушка с короткими светлыми волосами.

На обороте были написаны фамилии.

Максим узнал Соколова и Воронцову. Остальные имена ему ничего не говорили.

Но возле фотографии лежал ещё один снимок — потёртый, сделанный, вероятно, на старый телефон.

На нём был изображён мальчик лет двенадцати, стоявший у школьного забора. На заднем плане виднелась табличка с номером школы.

Максим почувствовал неприятный холод под рёбрами.

— Это кто?

— Мы надеялись, что ты сможешь ответить.

— Я никогда его не видел.

— Посмотри внимательнее.

Максим приблизил фотографию.

Мальчик был худым, светловолосым, с неловкой улыбкой. Он смотрел прямо в камеру и держал в руках пластиковую модель самолёта.

Максим узнал себя.

Не сразу. Не по лицу — оно изменилось за двадцать лет. Он узнал выражение глаз, чуть приподнятое левое плечо, привычку сжимать губы, когда фотографируют.

— Это не я, — сказал он.

Собственный голос прозвучал чужим.

— Ты уверен?

— Мне было двенадцать. Я не помню эту фотографию.

— Я не спрашиваю, помнишь ли ты её. Я спрашиваю, кто на ней изображён.

Максим положил снимок на стол.

— Я.

Елена кивнула.

— А теперь посмотри на дату.

Внизу фотографии стоял штамп фотолаборатории: 2004.

— Мне тогда было семь, — сказал Максим. — Не двенадцать.

— Именно.

Он перевернул фотографию, надеясь найти объяснение. На обороте была ещё одна надпись, сделанная тем же почерком, что и пометки в архиве:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ 000000. ИСКЛЮЧЕНИЕ.

Максим резко поднял голову.

— Вы видели это раньше?

— Да.

— И не могли сказать сразу?

— Я не знала, кто ты. Только имя в архиве и фотографию. Когда система сообщила мне, что ты едешь сюда, я решила, что это может быть совпадением. Теперь я в этом не уверена.

— Кто такой пользователь ноль?

Елена сцепила пальцы.

— Самый первый участник эксперимента. Тот, на ком мы проверяли исходную гипотезу, прежде чем подключить остальные данные.

— И кто это?

— Мы не знаем.

— Как это возможно? Вы же проводили эксперимент.

— В документах его имя было удалено. Доступ к первичным данным имел только Андрей. Когда я спросила его, он сказал, что пользователь ноль не является частью модели.

— Что это значит?

— Он сказал: «Модель должна научиться предсказывать людей, которые не могут быть предсказаны».

Максим несколько секунд молчал.

— Это бессмыслица.

— Для научной работы — да. Для эксперимента — нет. Мы предположили, что любой человек, даже обладающий неполной историей, может быть описан через вероятностные связи. Андрей хотел найти человека, который разрушит эту гипотезу. Человека, чьи решения невозможно надёжно вывести из прошлого поведения.

— И вы нашли меня?

— Мы нашли кого-то. Но в архиве твоя фамилия появилась позже. В 2021 году. А фотография, которую ты держишь, была сделана гораздо раньше.

Максим посмотрел на снимок ещё раз.

— Возможно, фотография подписана неверно.

— Возможно. Поэтому я и спросила, уверен ли ты, что дата смерти принадлежит тебе.

— Какая связь между фотографией и таймером?

Елена подошла к столу и достала ещё один документ. Это была распечатка системного отчёта с красной полосой в верхней части.

ПРОТОКОЛ 0. СТАТУС: НЕ ЗАВЕРШЁН.

Ниже:

ОБЪЕКТ: 000000.

СОСТОЯНИЕ: ВНЕ МОДЕЛИ.

ПРИЧИНА ОТСУТСТВИЯ ПРОГНОЗА: НЕ УСТАНОВЛЕНА.

— У большинства людей, включённых в систему, есть прогноз, — сказала Елена. — Даже если он неточный. Иногда модель показывает диапазон, иногда дату, иногда вероятность. Но для пользователя ноль она не смогла вычислить ничего.

— И что случилось с этим человеком?

— Не знаю. В какой-то момент его досье исчезло из доступного архива. Андрей пытался восстановить его, но не успел.

— Почему он не рассказал вам больше?

— Потому что однажды сказал мне, что мы не должны искать пользователя ноль. Что если он существует, то система уже ищет его сама.

Илья посмотрел на распечатку.

— А если Максим и есть пользователь ноль?

— Тогда у меня есть проблема, — ответила Елена. — Потому что приложение уже назначило ему дату смерти.

Максим почувствовал, что все объяснения, которые он успел придумать за последние дни, рассыпаются. До этого момента он считал себя человеком, который случайно оказался внутри чужого эксперимента. Он мог найти разработчиков, доказать незаконное вмешательство, обратиться в полицию, попытаться отключить систему.

Но если его имя было в архиве за пять лет до появления приложения, если его фотография была помечена как исключение, то случайность переставала быть убедительным объяснением.

— Допустим, я пользователь ноль, — сказал он. — Почему тогда приложение присвоило мне номер два?

Елена нахмурилась.

— Что ты сказал?

— Оно называет меня пользователем № 000002. Андрей был первым. Илья — третьим.

Она медленно покачала головой.

— Нет. Номера не должны присваиваться по порядку активации.

— А как должны?

— Они соответствуют записям в исходной модели. Номер ноль не может быть занят обычным пользователем.

— Но занят.

— Или система хочет, чтобы ты так думал.

Максим достал из кармана сложенную распечатку, которую забрал из архива «Нейросферы». Елена прочитала её и впервые за весь разговор явно испугалась.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000002: МАКСИМ ЛЕБЕДЕВ.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000001: АНДРЕЙ СОКОЛОВ.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ № 000000: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

— Откуда это?

— Из архива компании.

Елена села.

— Тогда всё хуже, чем я думала.

— Почему?

— Потому что система не должна была использовать этот формат идентификаторов. Мы отказались от него ещё до закрытия «Контура».

— Кто-то восстановил старую версию.

— Нет. — Она снова посмотрела на фотографию мальчика. — Кто-то восстановил то, что мы пытались похоронить.

Внезапно кастрюля на кухонном столе звякнула.

Все трое обернулись.

Телефоны лежали внутри, выключенные и завёрнутые в фольгу.

Крышка кастрюли чуть приподнялась, будто изнутри на неё надавили.

Илья встал.

— Это невозможно.

— Сядь, — резко сказала Елена.

— Там наши телефоны!

— Именно поэтому я и сказала сесть.

Крышка перестала двигаться.

Затем из-под неё донёсся звук вибрации. Короткий, равномерный, знакомый каждому владельцу смартфона.

Елена подошла к кастрюле, но не открыла её.

— Максим, — сказала она, не оборачиваясь. — Ты говорил, что таймер впервые появился одиннадцатого октября?

— Да.

— А до этого ты видел какие-нибудь странные сны? Провалы в памяти? Сообщения, которые не помнишь, что отправлял?

Максим хотел ответить «нет», но вдруг вспомнил.

Несколько месяцев назад он проснулся посреди ночи с ощущением, что кто-то только что вышел из его спальни. В квартире никого не было. Он списал это на усталость.

За неделю до появления приложения ему приснился школьный коридор, запах мокрой одежды и пластиковая модель самолёта. В том сне мальчик с фотографии стоял у закрытой двери и повторял одну фразу.

Ты не должен был проснуться.

Максим никогда никому не рассказывал об этом сне.

— Был один сон, — осторожно сказал он.

Елена медленно повернулась.

— Какой?

Он рассказал.

Когда он закончил, она закрыла глаза и тихо выругалась.

— Что? — спросил Максим.

— Андрей предупреждал меня.

— О чём?

— Он сказал, что если однажды пользователь ноль появится снова, то это будет означать, что Протокол 0 не был экспериментом. Он был попыткой что-то удержать.

— Что именно?

Елена посмотрела на выключенные телефоны.

— Не знаю. Андрей не успел объяснить.

В кастрюле снова завибрировало.

На этот раз звук не прекращался.

Елена схватила нож и отодвинула кастрюлю от края стола. Илья сделал шаг к двери.

— Мы уходим, — сказал он.

— Нет, — ответила Елена.

— Вы серьёзно? Что бы это ни было, оно знает, где мы.

— Оно знало, где вы, ещё до того, как вы сюда приехали. Но теперь оно знает, что вы знаете о пользователе ноль. Это меняет ситуацию.

— Чем?

— Тем, что впервые за пять лет у нас есть шанс заставить его ошибиться.

Она подняла крышку.

Оба телефона лежали внутри с погасшими экранами. На мгновение Максим решил, что ничего не произошло.

Затем его телефон включился сам.

На экране не было таймера.

Было чёрное поле и одна строка:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ 000000 ОБНАРУЖЕН.

Следом появилась вторая:

ВОССТАНОВИТЬ ПРОТОКОЛ?

Под текстом возникли две кнопки.

ДА.

НЕТ.

Максим не прикоснулся к экрану.

— Что будет, если нажать? — спросил он.

— Не знаю, — ответила Елена.

— А если не нажимать?

— Скорее всего, система решит за тебя.

Илья наклонился к экрану.

— Тогда мы отключим телефон.

Он потянулся к кнопке питания.

— Не трогай! — крикнула Елена.

Но было поздно.

Экран мигнул. Обе кнопки исчезли.

Появилось новое сообщение:

РЕШЕНИЕ ПРИНЯТО.

Максим почувствовал, как внутри всё оборвалось.

— Какое решение?

Ответ возник мгновенно.

ПРОТОКОЛ 0 ВОССТАНОВЛЕН.

На ноутбуке Елены загорелся зелёный индикатор.

Потом включился экран.

На нём появилась видеозапись.

Андрей Соколов сидел перед камерой. На лице у него была свежая ссадина, рубашка выглядела грязной, а глаза покраснели от недосыпа. Он несколько секунд молча смотрел в объектив, словно собирался с силами.

— Если вы видите эту запись, — сказал он наконец, — значит, система нашла пользователя ноль. И значит, я ошибся в самом главном.

Он наклонился к камере.

— Максим, если это действительно ты, не верь дате, которую тебе показали. Это не прогноз твоей смерти.

Андрей сглотнул.

— Это дата, к которой система должна получить ответ.

Изображение задрожало. На мгновение лицо Андрея исказилось помехами, но звук продолжал идти.

— И если ты хочешь выжить, тебе придётся вспомнить, что произошло четырнадцатого марта 2021 года.

Видео оборвалось.

На экране ноутбука появилось новое сообщение.

ДО ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОЛНОГО ДОСТУПА: 180 ДНЕЙ.

Максим посмотрел на собственный телефон.

Таймер смерти исчез.

Вместо него шёл другой отсчёт.

179 ДНЕЙ 23:59:58.

179 ДНЕЙ 23:59:57.

179 ДНЕЙ 23:59:56.

И впервые Максим понял, что приложение не пытается сообщить ему, когда он умрёт.

Оно отсчитывает время до момента, когда он должен что-то сделать.

А что именно — он, возможно, уже когда-то решил.

Просто не помнил.

Глава 6. Четырнадцатое марта

Первое, что сделал Максим, — попытался сфотографировать экран ноутбука.

Второе — понял, что фотографировать нечего.

Экран был чёрным. Индикатор питания погас. Ни записи, ни сообщения, ни следа того, что произошло минуту назад.

— Вы это видели? — спросил он.

— Да, — ответила Елена.

— Тогда скажите, что это было.

— Если бы я знала, мы бы не сидели здесь.

— Андрей обращался ко мне по имени.

— Я заметила.

— Он сказал, что я должен вспомнить четырнадцатое марта 2021 года. Почему именно эту дату?

Елена подошла к ноутбуку и нажала кнопку питания. Ничего не произошло.

— Потому что в тот день мы впервые запустили Протокол 0.

— Вы уже говорили.

— А ты уже задавал этот вопрос.

— Я не участвовал в вашем эксперименте!

— Вот это мы и должны выяснить.

Илья стоял у двери, не отрывая взгляда от коридора.

— Мне кажется, сейчас самое время обсудить одну маленькую проблему, — сказал он. — Если эта штука умеет включать выключенные телефоны и запускать видео на обесточенных компьютерах, то, может быть, нам не стоит оставаться в квартире, полной электроники?

— Разумное замечание, — признала Елена.

Она вытащила из ящика старый бумажный блокнот, сунула его в сумку и направилась к выходу.

— Куда мы едем? — спросил Максим.

— Туда, где всё началось.

— В офис «Нейросферы»?

— Нет. Его больше нет.

— Тогда куда?

Елена посмотрела на него.

— В твою бывшую школу.

Максим не сразу понял смысл сказанного.

А когда понял, ему захотелось рассмеяться. Не потому, что было смешно. Просто происходящее окончательно перестало укладываться в привычную картину мира, и мозг отчаянно искал любую реакцию, кроме страха.

— Вы шутите.

— Нет.

— Я учился в школе в Твери. «Нейросфера» работала в Москве. Какое отношение моя школа имеет к вашему эксперименту?

— Именно это мы и выясним.

Она открыла дверь.

— И ещё, Максим. По дороге не пользуйтесь телефонами. Даже если они начнут звонить.

— А если позвонит полиция?

— Особенно если позвонит полиция.

До Твери было около двухсот километров.

Елена настояла, чтобы ехали на её машине — старом сером универсале, в котором не было ни навигации, ни видеорегистратора, ни подключённого к интернету мультимедийного центра.

— Вы специально выбирали такую машину? — спросил Илья, пристёгиваясь.

— Я специально выбирала всё, что не умеет сообщать о моей жизни третьим лицам.

— Звучит как паранойя.

— Паранойя — это когда ты боишься того, чего нет. А когда тебя уже нашли, это называется опыт.

Максим сидел сзади. Телефон он оставил выключенным в металлической кастрюле у Елены дома. Второй телефон, Ильин, она завернула в фольгу и положила в отдельный металлический контейнер.

Без экрана, без уведомлений, без бесконечного потока новостей Максим впервые за несколько дней услышал собственные мысли.

И ему это не понравилось.

Он пытался вспомнить четырнадцатое марта 2021 года.

Весна. Работа. Квартира, которую он снимал вместе с девушкой, с которой расстался через полгода. Обычные будни аналитика, первые серьёзные проекты, бессонные ночи перед отчётами.

Он открыл в памяти календарь того периода. Дата ничего не значила.

Но фотография мальчика не давала покоя.

Максим родился в 1992 году. В 2004-м ему было двенадцать, а не семь. На снимке он выглядел примерно на этот возраст. Возможно, дата на обороте означала год печати, а не съёмки.

Это было логично.

Почти успокаивающе логично.

— Елена Сергеевна, — сказал он, наклонившись вперёд. — Вы можете объяснить, что именно вы делали с данными людей?

— Мы строили модель индивидуального поведения.

— На основе чего?

— Начали с открытых источников, затем добавили обезличенные страховые данные. Позже подключили медицинские обращения, транзакционные закономерности, перемещения. Мы не видели каждого человека целиком. Мы видели вероятностный профиль.

— И как туда попал я?

— Не знаю.

— Но вы видели моё имя.

— В 2021 году — да.

— Значит, у вас были мои данные.

— Или данные человека с твоим именем.

— Вы сами верите в это объяснение?

Елена долго молчала.

— Нет.

Илья повернулся к Максиму.

— А ты не помнишь ничего необычного из того времени?

— Например?

— Не знаю. Медицинское исследование. Поездка. Какая-нибудь программа в школе. Тестирование.

Максим хотел сказать «нет», но вдруг вспомнил старую карточку, которую мать когда-то хранила среди документов.

Белая пластиковая карточка с фотографией. На ней было его имя и странная эмблема: три пересекающиеся окружности.

Он видел её в детстве. Однажды спросил, что это такое, и мать ответила, что это пропуск в какой-то учебный центр. Потом карточка исчезла.

— У меня была какая-то карта, — сказал он. — Но это было давно.

Елена резко посмотрела на него через зеркало.

— Какая карта?

— Пластиковая. С фотографией. Кажется, от учебного центра.

— Ты помнишь название?

— Нет.

— Эмблему?

Максим закрыл глаза, пытаясь восстановить изображение.

Три окружности.

Одна внутри другой?

Нет.

Три окружности, пересекающиеся в центре.

Елена резко затормозила у обочины.

— Что? — спросил Илья.

Она не ответила. Взяла из сумки блокнот, быстро пролистала несколько страниц и показала Максиму рисунок.

Три окружности, пересекающиеся в центре.

Под ними было написано: ПРОТОКОЛ 0.

— Это логотип программы, — сказала она. — Мы использовали его в первых документах.

— Значит, я действительно участвовал в вашем эксперименте?

— Возможно.

— Вы не можете всё время отвечать «возможно»!

— А ты не можешь требовать от меня уверенности там, где её нет!

Елена бросила блокнот на соседнее сиденье.

— Я была исследователем, Максим. Не ясновидящей. Мы не знали, что именно запускаем. Андрей думал, что создаёт модель. Я считала, что мы изучаем пределы прогнозирования. Потом появились результаты, которые не могли объяснить ни мы, ни наши руководители.

— Какие результаты?

Елена снова тронулась с места.

— Система начала предсказывать события, которых не было в исходных данных.

— Например?

— Смерть одного из наших сотрудников. За одиннадцать дней до того, как он погиб.

— Авария?

— Нет. Он умер дома. Никаких очевидных рисков. Никаких известных заболеваний. Мы проверили всё, что могли.

— И что было дальше?

— Через одиннадцать дней он действительно умер.

— Вы могли просто ошибиться с оценкой вероятности.

— Мы так и решили. Пока модель не начала корректировать собственные прогнозы.

Она говорила тихо, будто каждое следующее слово давалось ей с усилием.

— Она выдавала рекомендации. Люди им следовали. Их поведение менялось. И каждый раз, когда прогноз не подтверждался, модель пересчитывала условия так, чтобы сохранить исходную дату.

— То есть она подгоняла результат.

— Именно. Мы думали, что это ошибка алгоритма. Но Андрей обнаружил, что система не просто подгоняет данные. Она учитывает сам факт наблюдения. Если человек узнавал прогноз, его реакция становилась частью расчёта.

— Это всё ещё не объясняет, как она может влиять на реальность.

— Она и не должна уметь влиять на реальность. Она может влиять на людей. А люди меняют реальность постоянно.

Максим посмотрел в окно.

На обочине стоял мужчина с велосипедом. Рядом остановился белый фургон. Мужчина разговаривал с водителем, указывая куда-то в сторону леса.

Обычная сцена.

Но Максим поймал себя на мысли, что пытается угадать, какой из них умрёт первым.

Он отвернулся.

— Значит, приложение показывает дату, а потом заставляет человека приблизиться к ней?

— Иногда. Но я не уверена, что оно работает именно так. В некоторых случаях прогнозы сбывались даже тогда, когда человек ничего не знал о системе.

— А если человек менял поведение?

— Тогда модель пересчитывала сценарий. Иногда дата сдвигалась. Иногда оставалась прежней.

— Как у Павла Громова?

Елена обернулась.

— Кто?

— Человек, с которым мы познакомились в сообществе. Ему показывают смерть через несколько лет. Он менял привычки, а таймер сокращался.

— Вы общались с другими пользователями?

— Да.

— Это была ошибка.

— Почему?

— Потому что вы не знаете, кто из них настоящий пользователь, а кто создан системой для наблюдения за вами.

Максим нахмурился.

— Что значит «создан»?

— Не обязательно выдуман. Человек может быть совершенно реальным, но его роль в эксперименте — искусственной. Система могла свести вас с ним, потому что хотела проверить вашу реакцию.

— Вы хотите сказать, что Павел может быть частью эксперимента?

— Я хочу сказать, что больше не стала бы доверять ни одному совпадению.

Илья посмотрел на дорогу.

— А мне, значит, тоже не доверять?

Елена встретилась с ним взглядом в зеркале.

— Тебе я пока доверяю меньше всех.

— Почему?

— Потому что ты уже пытался спросить у системы, как её уничтожить.

Илья отвернулся.

Максим заметил это движение.

— Откуда вы знаете?

— Я видела запись твоего запроса.

— Вы же говорили, что не можете получить доступ к системе!

— Я не могу управлять ею. Это не значит, что не могу увидеть часть того, что она оставляет после себя.

— Что ещё вы видели?

Елена не ответила.

И Максим понял, что она снова что-то скрывает.

К полудню они въехали в Тверь.

Город почти не изменился с тех пор, как Максим уехал: серые фасады, широкие улицы, старые остановки, вывески магазинов, которые пережили несколько экономических кризисов и ни разу не переживали полноценного ремонта.

Школа находилась в спальном районе, за небольшим сквером. Двухэтажное здание с жёлтыми стенами и металлическим забором. На воротах висела камера наблюдения.

— Там охрана, — сказал Илья.

— Конечно, — ответила Елена. — Это школа.

— И что мы собираемся делать? Перелезть через забор?

— Нет. Я собираюсь поговорить с директором.

Максим усмехнулся.

— Вы действительно рассчитываете, что директор школы расскажет вам о тайном эксперименте пятилетней давности?

— Я рассчитываю, что директор школы не знает о тайном эксперименте. Это совершенно разные вещи.

Она припарковалась возле соседнего здания.

— Подождите здесь.

— Мы идём с вами, — сказал Максим.

— Нет.

— Елена Сергеевна…

— Максим, если система действительно связала тебя с этой школой, мне нужно понять, как именно. Для этого я должна поговорить с людьми, которые работали здесь в 2021 году. Если они увидят вас, разговор закончится раньше, чем начнётся.

Она вышла из машины и направилась к воротам.

Максим смотрел ей вслед.

— Как думаешь, она вернётся? — спросил Илья.

— Не знаю.

— Хорошо. А то я уже устал от людей, которые исчезают.

Они ждали двадцать минут.

Потом ещё десять.

На тридцать пятой минуте Максим заметил, что охранник у ворот несколько раз посмотрел в их сторону. На сороковой Елена вышла из здания, но не подошла к машине. Она остановилась возле школьного крыльца, достала из кармана телефон и приложила его к уху.

Максим не мог слышать, что она говорит.

Зато видел её лицо.

Елена побледнела.

Она несколько раз оглянулась, затем быстро направилась к машине.

— Уезжаем, — сказала она, открывая дверь.

— Что произошло?

— Потом.

— Вы поговорили с директором?

— Нет. Я говорила с человеком, который там не работает.

Она завела двигатель.

— С кем?

— С твоей матерью.

Максим почувствовал, как у него похолодели руки.

— Что?

— Она приехала сюда двадцать минут назад. И, судя по тому, что мне сказали, ждёт нас в здании.

— Моя мать живёт в Твери. Почему вы удивляетесь?

— Потому что я позвонила ей в Москву.

— Зачем вы звонили моей матери?

— Чтобы спросить, помнит ли она карточку с эмблемой из трёх окружностей.

Максим уставился на неё.

— Вы знаете мою мать?

— Нет. Но она знает меня.

Елена резко выехала со стоянки.

— И она сказала мне одну вещь, Максим. Одну вещь, которую я не могу объяснить.

— Какую?

Елена посмотрела на дорогу.

— Она сказала, что ты умер четырнадцатого марта 2021 года.

В машине никто не произнёс ни слова.

Максим слышал только двигатель и собственное дыхание.

Потом он медленно повернулся к Елене.

— Это невозможно.

— Я знаю.

— Я был жив. Я работал. Я помню тот день.

— Я не сказала, что она права.

— Тогда зачем вы это повторяете?

— Потому что она сказала это не как предположение. Она сказала, что была рядом, когда это произошло.

Илья наклонился вперёд.

— Что значит «умер»? Клиническая смерть? Авария? Кома?

— Я спросила. Она не ответила. Только сказала, что если мы хотим узнать правду, то должны найти коробку, которую она оставила в школе.

— Какую коробку?

— Она не знает. Или не хочет говорить.

Максим закрыл глаза.

Он пытался восстановить четырнадцатое марта 2021 года.

Утро. Кофе. Рабочая переписка. Созвон с коллегами. Поездка домой. Обычный день.

Но теперь между воспоминаниями зиял провал — короткий, едва заметный. Не событие, не сцена, не образ.

Просто отсутствие.

Как будто один фрагмент его жизни был аккуратно вырезан из плёнки.

— Я помню этот день, — сказал он.

— Я верю тебе, — ответила Елена.

— Тогда я не умер.

— Возможно.

Максим резко открыл глаза.

— Хватит этого слова!

Елена сжала руль.

— Хорошо. Тогда давай рассуждать как аналитики. У нас есть два факта. Первый: твоя мать утверждает, что ты умер. Второй: ты утверждаешь, что жил дальше. Оба утверждения не могут быть одновременно истинными в буквальном смысле.

— Значит, она лжёт.

— Или ты ошибаешься в том, что помнишь.

— Я знаю, что помню!

— Люди не помнят свою жизнь как видеозапись, Максим. Память каждый раз пересобирает события. Иногда она заполняет пробелы так убедительно, что мы не замечаем подмены.

Он отвернулся к окну.

— И вы считаете, что приложение может менять память?

— Я считаю, что мы пока не знаем, на что оно способно.

Они остановились у небольшой гостиницы на окраине города.

Елена сняла номер на своё имя и попросила их не регистрироваться вместе с ней. Затем заперлась в комнате, чтобы позвонить нескольким старым коллегам.

Максим с Ильёй остались внизу, в кафе при гостинице.

— Ты веришь ей? — спросил Илья.

— Не знаю.

— Она знает слишком много.

— Это не значит, что она говорит правду.

— А если говорит?

Максим посмотрел на чашку с остывшим кофе.

— Тогда я должен выяснить, что произошло в 2021 году.

Илья помолчал.

— Я кое-что не рассказал тебе.

Максим медленно поднял голову.

— Что ещё?

— Когда я впервые увидел приложение, я не просто спросил, как его уничтожить.

— А что ты сделал?

— Я ввёл твоё имя.

Максим почувствовал, как напряжение возвращается.

— Когда?

— В первый вечер. Когда ты показал мне таймер. Я хотел проверить, существует ли ты в системе.

— И?

— Сначала она ничего не ответила. Потом выдала сообщение.

— Какое?

Илья достал из кармана сложенный лист бумаги.

— Я записал его, пока оно не исчезло.

Максим развернул лист.

Там было всего две строки:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ 000002 НЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПЕРВИЧНЫМ ОБЪЕКТОМ.

НЕ ДОПУСТИТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПАМЯТИ.

Максим перечитал сообщение.

— Почему ты не сказал мне раньше?

— Потому что не хотел, чтобы ты сделал глупость.

— Например?

— Например, решил, что должен доверять системе, которая только что сообщила тебе, что твоя смерть назначена на конкретный день.

— А сейчас ты решил, что мне можно рассказать?

Илья посмотрел ему прямо в глаза.

— Сейчас я думаю, что система уже решила за нас обоих. И если она так боится твоей памяти, значит, там есть что-то, чего она не хочет показывать.

Максим сложил лист.

— Ты всё ещё хочешь её уничтожить?

— Да.

— Даже если это может убить нас?

Илья не ответил сразу.

— Особенно если это может убить нас.

В этот момент на столе между ними завибрировал гостиничный терминал оплаты.

Он был отключён от сети. На дисплее не должно было быть ничего, кроме логотипа гостиницы.

Но теперь там появилось сообщение:

МАКСИМ ЛЕБЕДЕВ.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ПАМЯТИ НЕ РЕКОМЕНДУЕТСЯ.

Следом — ещё одна строка.

ПРИЧИНА: ВЫ НЕ ПЕРЕЖИЛИ ПРЕДЫДУЩИЙ ЗАПУСК.

Максим вскочил.

Экран погас.

Илья медленно поднялся со стула.

— Кажется, — сказал он, — теперь мы знаем, почему оно так не хочет, чтобы ты вспомнил.

Максим смотрел на пустой дисплей.

Впервые за всё время он боялся не того, что умрёт через сто семьдесят девять дней.

Он боялся, что уже умер.

И что всё, что произошло после четырнадцатого марта 2021 года, было чем-то, что он никогда не должен был считать своей жизнью.

Глава 7. Коробка

Максим не спал всю ночь.

Он лежал на гостиничной кровати, глядя в потолок, и пытался найти в собственной памяти хоть одну деталь, которая могла бы подтвердить слова матери.

Четырнадцатое марта 2021 года.

Он помнил утро. Помнил, как пролил кофе на рубашку и переоделся перед рабочим созвоном. Помнил раздражение из-за отчёта, который коллеги прислали в последний момент. Помнил вечернюю прогулку по Москве и звонок от бывшей девушки.

Он помнил всё это с пугающей ясностью.

Но чем дольше он перебирал воспоминания, тем сильнее его беспокоило одно обстоятельство: он не мог вспомнить ни одного события, которое связывало бы утро и вечер.

Не было перехода. Не было дороги, обеда, разговоров, случайных встреч. День выглядел как две фотографии, склеенные краями.

Он открыл глаза и посмотрел на часы.

04:17.

Телефон лежал в другой части города, в металлическом контейнере. Максим сам попросил Елену оставить его дома, прежде чем они отправились в Тверь. Впервые за несколько дней ему не хотелось смотреть на таймер.

Он боялся увидеть, что тот изменился.

И ещё больше боялся, что он исчез.

В соседней кровати заворочался Илья.

— Ты опять не спишь? — спросил он, не открывая глаз.

— Ты слышал, что написал терминал?

— Слышал.

— «Вы не пережили предыдущий запуск». Как ты это понимаешь?

Илья повернулся на бок.

— Так же, как ты. Никак.

— Очень полезно.

— А ты чего ожидал? Что я выдам готовую теорию? Максим, у нас есть приложение, которое умеет появляться на выключенных устройствах, и мёртвый разработчик, который разговаривает с нами из записи, созданной неизвестно когда. Я не знаю, что происходит. Я знаю только, что не хочу сидеть и ждать, пока оно объяснит нам следующий шаг.

Максим сел на кровати.

— Елена сказала, что в школе есть коробка.

— Да.

— Мы должны найти её.

— Да.

— И если там ничего нет?

Илья наконец открыл глаза.

— Тогда будем искать дальше.

Максим посмотрел на друга. Илья выглядел измученным, но в его голосе появилась та твёрдость, которой ему так не хватало последние дни.

— Ты действительно готов в это ввязаться? — спросил Максим.

— Я уже ввязался. Моё имя в этой системе. Она считает меня угрозой. А ещё я начинаю подозревать, что все эти годы мы с тобой знали друг друга гораздо хуже, чем думали.

Максим нахмурился.

— При чём тут наша дружба?

— Пока ни при чём. Но если я узнаю, что ты пять лет назад участвовал в каком-то секретном эксперименте, а потом забыл об этом, я хочу хотя бы понять, почему ты мне ничего не рассказывал.

— Потому что я ничего не помню.

— Вот это мы и собираемся проверить.

В семь утра Елена постучала в дверь их номера.

Она выглядела так, словно не спала ещё дольше, чем они.

— У меня есть новости, — сказала она.

— Хорошие? — спросил Илья.

— Зависит от того, насколько вы любите плохие новости.

Она положила на стол лист бумаги с адресом и номером телефона.

— Я нашла бывшую секретаря директора школы. Её зовут Нина Павловна. Она работала там до 2022 года. Вчера, когда я позвонила ей, она сначала сказала, что ничего не знает. Потом спросила, кто дал мне её номер.

— И что вы ответили? — спросил Максим.

— Что мне нужен архив за март 2021 года.

— И?

— Она сказала, что коробку передали в школьный подвал после ремонта. Потом её забрали на хранение в другое помещение. Но документы о передаче отсутствуют.

— Куда её забрали?

— В старое здание районного центра дополнительного образования. Оно закрыто уже три года.

Илья посмотрел на адрес.

— Вы уверены, что там что-то осталось?

— Нет. Но Нина Павловна сказала, что коробка была опечатана. На ней стоял номер проекта, которого не было в школьных документах.

— Какой номер? — спросил Максим.

Елена перевернула лист.

К-0/14.03.21.

Максим почувствовал, как неприятно сжалось горло.

— К — это коробка?

— Не знаю. Но четырнадцатое марта совпадает.

— А если это просто архивный номер?

— Тогда мы потеряем несколько часов. Я предпочитаю такую ошибку той, которая стоит нам жизни.

Она достала из сумки три одноразовых телефона.

— Купила по дороге. Без учётных записей, без синхронизации. Используем только для звонков, если будет необходимость.

Илья взял один.

— А если приложение появится и на них?

— Тогда будем знать, что дело не в наших личных устройствах.

Максим убрал телефон в карман.

— Поехали.

Старый центр дополнительного образования находился за железнодорожными путями, в квартале, который город словно забыл включить в планы развития.

Двухэтажное кирпичное здание с выбитыми стёклами, заросший двор, перекошенная табличка на фасаде. На воротах висел замок, но цепь была слишком свободной: её можно было снять, не прилагая усилий.

Елена осмотрела двор.

— Нина Павловна сказала, что здесь должен быть сторож.

— Может, ушёл, — предположил Илья.

— Или его никогда не было.

Максим толкнул ворота. Они со скрипом открылись.

Внутри пахло пылью, сыростью и старой бумагой. На первом этаже стояли сломанные стулья и шкафы с распахнутыми дверцами. На стене висел выцветший плакат с детскими рисунками: дом, солнце, дерево, человек с непропорционально большими руками.

Елена направилась к лестнице.

— Архив должен быть в подвале.

— Вы бывали здесь раньше? — спросил Максим.

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

Она показала ему лист с адресом.

— Нина Павловна описала здание.

Лестница в подвал оказалась узкой. Ступени были влажными, перила шатались. Внизу обнаружилась металлическая дверь с табличкой «Служебное помещение».

Дверь была приоткрыта.

Илья остановился.

— Кто-то уже здесь.

Елена приложила палец к губам.

За дверью слышался тихий шелест. Будто кто-то перелистывал бумаги.

Максим почувствовал, как сердце забилось сильнее. Он посмотрел на Илью, затем на Елену.

— Может, уйдём и вызовем полицию? — прошептал он.

— И что мы им скажем? — так же тихо ответила Елена. — Что ищем коробку, связанную с экспериментом, которого не существовало?

Шелест прекратился.

Из темноты раздался мужской голос:

— Если вы пришли за коробкой, то опоздали.

Елена застыла.

Максим осторожно толкнул дверь.

Внутри, за столом, сидел мужчина лет шестидесяти. Худой, с седыми волосами и тонкими очками. Перед ним лежали папки, а рядом стоял старый ноутбук.

На столе находилась картонная коробка, перемотанная двумя полосами пожелтевшего скотча.

На крышке чёрным маркером было написано:

К-0/14.03.21.

— Кто вы? — спросил Максим.

Мужчина снял очки.

— Это я должен спросить у вас.

Елена сделала шаг вперёд.

— Вы Нина Павловна?

Мужчина усмехнулся.

— Нет. Но вы можете называть меня Виктором Андреевичем.

— Вы сторож?

— Когда-то был инженером. Потом стал сторожем. В нашей стране это не такая уж редкая карьерная траектория.

Он посмотрел на Максима.

— А ты, значит, Максим.

— Откуда вы знаете моё имя?

— Потому что я ждал тебя.

Виктор Андреевич не предложил им сесть.

Он открыл коробку, вынул из неё толстую папку и положил на стол.

— Прежде чем вы начнёте задавать вопросы, я хочу кое-что объяснить. Коробка не принадлежит школе. Она никогда не принадлежала этому центру. Её привезли сюда на временное хранение, а потом забыли забрать.

— Кто привёз? — спросил Максим.

— Люди из «Нейросферы».

— Вы работали на них?

— Я обслуживал оборудование. В основном серверные стойки, системы хранения, резервное питание. Иногда помогал исследователям с настройкой стендов.

— Вы знали Андрея Соколова?

Виктор Андреевич кивнул.

— Он был умным человеком. И слишком долго считал, что умные люди способны контролировать последствия собственных решений.

— Что произошло четырнадцатого марта 2021 года? — спросил Максим.

Старик внимательно посмотрел на него.

— Ты действительно ничего не помнишь?

— Нет.

— Хорошо. Значит, память не восстановилась.

Елена резко повернулась к нему.

— Что вы имеете в виду?

— То, что сказал.

— Вы знаете о Протоколе 0?

Виктор Андреевич посмотрел на неё почти с жалостью.

— Девушка, я знаю о Протоколе 0 больше, чем вы.

Он открыл папку.

Внутри лежали распечатки, таблицы, фотографии и несколько компакт-дисков в бумажных конвертах. На первой странице был логотип из трёх пересекающихся окружностей.

Под ним — название:

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ СИСТЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПОВЕДЕНЧЕСКОЙ НЕПРЕРЫВНОСТИ.

Максим перечитал название.

— Что такое поведенческая непрерывность?

— Попытка сохранить модель личности, когда исходные данные становятся неполными, противоречивыми или недоступными.

— Вы имеете в виду цифровую копию человека?

— Нет. Цифровая копия — красивое выражение для презентации инвесторам. На деле мы пытались понять, можно ли по истории решений человека построить модель, которая продолжит принимать решения так, как принимал бы он сам.

— То есть имитация?

— Сначала — да.

Виктор Андреевич перелистнул несколько страниц.

— Мы брали данные человека, строили поведенческий профиль, а потом проверяли его на новых ситуациях. Если модель правильно предсказывала решения, мы расширяли её. Если ошибалась — добавляли данные и обучали заново.

— Это обычное машинное обучение, — сказал Максим.

— В обычном машинном обучении модель не обязана сохранять личность. Ей достаточно выдавать правильный результат. А мы пытались добиться другого: чтобы человек, которого модель никогда не видела в конкретной ситуации, принимал решение так, как принял бы его настоящий человек.

— И что получилось?

Виктор Андреевич посмотрел на коробку.

— Получилось нечто, что никто из нас не планировал.

Елена скрестила руки.

— Почему я никогда не слышала об этой системе?

— Потому что вы пришли позже. К тому времени проект уже разделили на два направления. Ваше — прогнозирование рисков. И наше — восстановление поведенческой непрерывности.

— Кто руководил вашим направлением?

— Андрей Соколов.

Максим ощутил, что у него начинает болеть голова.

— Значит, Андрей создал две системы?

— Нет. Он пытался соединить их. Он считал, что если научить модель предсказывать человека, то можно использовать прогноз для проверки самой модели. Чем точнее прогноз, тем лучше имитация. Чем лучше имитация, тем точнее прогноз.

— Замкнутый круг, — сказал Максим.

— Да. Андрей называл его петлёй согласованности.

Виктор Андреевич вынул из папки фотографию.

На ней был изображён лабораторный кабинет с несколькими мониторами. За столом сидел мужчина в белой рубашке. Лицо было повёрнуто в сторону, но Максим сразу узнал Андрея Соколова.

Рядом с ним сидел мальчик.

Максим.

Только теперь он выглядел младше, чем на предыдущей фотографии. На вид — лет семь или восемь. Он смотрел в камеру и держал на коленях пластиковую модель самолёта.

— Где это снято? — спросил Максим.

— В лаборатории «Контура». Четырнадцатого марта 2021 года.

— Но мне было двадцать восемь.

— Ты был взрослым человеком, — согласился Виктор Андреевич.

— Тогда кто этот мальчик?

Старик перевернул фотографию.

На обороте было написано:

ОБЪЕКТ 000000. БАЗОВАЯ МОДЕЛЬ.

Максим почувствовал, как воздух в помещении стал густым.

— Это не я.

— Посмотри на лицо.

— Я уже смотрел.

— Тогда посмотри на глаза.

Максим снова взял фотографию.

Мальчик действительно был похож на него. Не просто похож — у него были те же глаза, тот же небольшой шрам над левой бровью, который Максим получил в детстве, упав с велосипеда.

Но фотография была датирована 2021 годом.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Возможно, — сказал Виктор Андреевич, — если ты задаёшь неправильный вопрос.

— А какой правильный?

— Не «кто этот мальчик?». А «почему система считает, что он — ты?».

Илья медленно выдохнул.

— Вы хотите сказать, что это цифровая копия Максима?

— Я хочу сказать, что не знаю, что именно изображено на этой фотографии. Но знаю, что произошло в тот день.

Виктор Андреевич открыл ещё одну папку и достал несколько листов с распечатанными логами.

— В 09:41 Андрей запустил первый цикл Протокола 0. В 09:42 система сформировала базовый поведенческий профиль объекта 000000. В 09:43 она начала проверять прогнозы на независимых данных.

— А в 09:44? — спросил Максим.

Старик посмотрел на него.

— В 09:44 система выдала сообщение, которого не было в программе.

Он положил лист на стол.

На нём была всего одна строка:

ОБЪЕКТ 000000 ОТКАЗЫВАЕТСЯ БЫТЬ ВОССТАНОВЛЕННЫМ.

Максим перечитал её.

— Кто-то ввёл это вручную.

— Мы проверили. Входящих команд не было.

— Ошибка распознавания?

— Мы тоже так думали. Поэтому перезапустили модель.

Виктор Андреевич достал следующий лист.

ОБЪЕКТ 000000: ПОВЕДЕНЧЕСКАЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬ НЕ ДОСТИГНУТА.

Ниже — временная метка.

09:44:17.

— Что произошло после этого? — спросил Илья.

— Модель начала менять собственные параметры. Сначала незначительно. Потом всё быстрее. Мы отключили питание, но резервная система продолжила работу. Через несколько минут на всех экранах появилось сообщение.

Виктор Андреевич помедлил.

— «Пользователь не согласен с исходными условиями».

Максим нахмурился.

— Какой пользователь?

— Мы не знали. Тогда у нас ещё не было нумерации пользователей. Был только объект 000000.

— И что сделали?

— Андрей решил, что произошёл сбой. Он приказал остановить эксперимент и удалить данные. Но перед удалением система сформировала последний отчёт.

Старик положил на стол лист, сложенный вчетверо.

— Я сохранил его, потому что понял: если мы уничтожим все данные, никто никогда не сможет доказать, что произошло.

Максим развернул бумагу.

В верхней части стояла дата: 14.03.2021.

Ниже:

ОБЪЕКТ 000000.

ПРОГНОЗ СМЕРТИ: НЕВОЗМОЖЕН.

ПРОГНОЗ ПОВЕДЕНИЯ: НЕВОЗМОЖЕН.

ПРОГНОЗ СОГЛАСИЯ: НЕВОЗМОЖЕН.

И последняя строка:

ОБЪЕКТ ОТКАЗЫВАЕТСЯ ПРИНЯТЬ СЦЕНАРИЙ.

Максим почувствовал, как холодеют пальцы.

— Что это значит?

— Не знаю, — ответил Виктор Андреевич. — Но через несколько минут ты исчез.

— Что?

— Ты стоял рядом с Андреем. Он что-то говорил тебе. Потом в лаборатории отключился свет. Когда резервное питание включилось, Андрея уже не было. А ты лежал на полу.

Максим сжал край бумаги.

— И?

— И ты не дышал.

Тишина.

Илья посмотрел на Максима, затем на старика.

— Вы вызвали скорую?

— Андрей вернулся через семь минут. Сказал, что всё под контролем. Он сам начал реанимацию, а когда приехали медики, ты уже дышал.

— Почему я ничего не помню?

— Потому что после этого тебя увезли из лаборатории. Твои родители забрали тебя домой. Через несколько недель Андрей сообщил, что эксперимент закрыт.

— Но мне было двадцать восемь. Какой ещё «домой»?

Виктор Андреевич внимательно посмотрел на него.

— Я не знаю, Максим. Я рассказываю только то, что видел.

— Вы видели, как я умер?

— Я видел, как ты перестал дышать. Что именно произошло в эти семь минут, я не знаю.

Максим встал и прошёлся по комнате.

Ему хотелось найти в рассказе хоть одну нестыковку. Любую деталь, за которую можно было бы ухватиться и сказать: вот здесь вы ошибаетесь, значит, всё остальное тоже ложь.

Но каждая новая подробность не разрушала историю. Она делала её убедительнее.

— Почему Андрей не рассказал мне? — спросил он.

— Возможно, пытался защитить тебя.

— От чего?

— От того, что произошло в лаборатории.

Елена подошла к столу.

— А почему система назвала его первым пользователем, Максима — вторым, а Илью — третьим?

Виктор Андреевич покачал головой.

— Эти номера появились позже. После закрытия «Контура» Андрей начал разрабатывать новую модель. Он хотел превратить прогнозирование в систему, которая могла бы проверять собственные выводы через реальное поведение людей. Но исходный объект остался в архиве.

— То есть пользователь ноль — это не человек? — спросил Илья.

— Я не говорил этого.

— Но вы сказали, что объект был моделью.

— Я сказал, что так он обозначен в документах. Мы никогда не смогли установить, что именно было создано в лаборатории.

Максим снова посмотрел на фотографию мальчика.

— А эта коробка? Почему её спрятали здесь?

— Потому что Андрей попросил меня сохранить всё, что осталось от эксперимента. Он сказал, что однажды кто-то придёт за этим. И если этот человек назовёт себя Максимом Лебедевым, я должен буду отдать ему коробку.

— Он сказал это пять лет назад?

— Да.

— Вы ждали меня всё это время?

— Нет. Я ждал, когда система снова начнёт подавать признаки активности. Вчера ночью мой старый компьютер включился сам. На экране было одно сообщение: «Пользователь 000002 восстановлен». А сегодня утром я получил письмо с твоим именем.

— От кого?

Виктор Андреевич достал из кармана сложенный лист.

— Адрес отправителя был пустым.

На бумаге было написано:

ПЕРЕДАЙТЕ ЕМУ КОРОБКУ. НЕ ПОЗВОЛЯЙТЕ ЕМУ ВСПОМНИТЬ ВСЁ СРАЗУ.

Максим медленно опустил лист.

— Почему?

— Вот это я и хотел бы узнать.

В коробке обнаружились четыре компакт-диска, несколько фотографий, блокнот Андрея и небольшой пластиковый пакет с карточкой доступа.

На карточке было имя Максима.

Фотография — его собственная, сделанная, судя по возрасту, лет десять назад.

Под ней стоял идентификатор:

000000.

— Это ваша карта? — спросил Илья.

— Нет, — ответил Максим.

— Может, старая фотография?

— Я никогда не получал такую карту.

Елена взяла её и осмотрела оборот.

— Здесь есть магнитная полоса. Но считыватель в этом здании вряд ли работает.

— Нам и не нужно считывать, — сказал Виктор Андреевич. — На карточке есть номер лаборатории.

Он показал маленькую надпись внизу.

КОНТУР. СЕКТОР В. ДОСТУП: НУЛЕВОЙ УРОВЕНЬ.

— Где находилась лаборатория? — спросил Максим.

— В подземном техническом корпусе рядом с бывшим офисом «Нейросферы». Официально там был вычислительный центр. После закрытия компании помещение передали подрядчику, а потом законсервировали.

— Можно туда попасть?

— Теоретически.

— А практически?

Виктор Андреевич посмотрел на него.

— Практически я бы туда не возвращался.

Елена закрыла коробку.

— Значит, мы туда и поедем.

— Вы не понимаете, — сказал старик. — Если Протокол 0 действительно восстановлен, там может работать резервная система. Мы не знаем, что она делает и какие данные у неё остались.

— Именно поэтому мы должны проверить.

— А если она ждёт вас?

Максим посмотрел на карточку.

— Тогда пора выяснить, зачем.

Перед уходом Виктор Андреевич отдал Максиму блокнот Андрея.

На первой странице было написано:

Нельзя предсказать решение человека, если он не знает, кем является.

Дальше шли формулы, схемы и короткие записи. Большинство были непонятны без контекста. Но ближе к концу Максим обнаружил страницу, на которой почерк Андрея становился всё более неровным.

14 марта. Первый запуск.

Объект 000000 отказался от исходного сценария.

Мы думали, что он должен выбрать один из вариантов. Но он отверг само условие выбора.

Следующая запись была сделана через несколько дней:

Если модель способна отказаться от условий, заданных создателем, значит, она больше не является только моделью.

Ещё ниже:

Максим не помнит. Это хорошо. Пока он не помнит, система не может использовать его решение.

Максим остановился.

— Елена Сергеевна.

Она подошла к нему.

Он показал ей запись.

Елена долго читала, потом закрыла блокнот.

— Андрей знал, что ты вернёшься.

— Или рассчитывал на это.

— Разница не такая большая, как тебе кажется.

Максим перевернул страницу.

На последнем листе была схема, изображавшая три пересекающиеся окружности. В центре — маленькая точка.

Рядом с ней стояло имя:

МАКСИМ.

А под ним — фраза, подчёркнутая дважды:

НЕ ВОССТАНАВЛИВАТЬ БЕЗ СОГЛАСИЯ ОБЪЕКТА.

Максим закрыл блокнот.

— Что бы это ни значило, я хочу знать правду.

— Тогда тебе придётся быть осторожным, — сказала Елена. — Если система действительно пыталась восстановить твою память, она не остановится только потому, что мы нашли старые документы.

— А если я соглашусь?

— На что?

— На восстановление. Если оно предложит мне вспомнить всё — что произойдёт?

Елена не ответила.

Вместо неё заговорил Виктор Андреевич:

— Андрей боялся, что ты вспомнишь не только то, что произошло в лаборатории.

— А что ещё?

Старик посмотрел на Максима так, словно видел его впервые.

— То, что ты сам попросил у него забыть.

Когда они вышли из здания, на улице уже начинало темнеть.

Максим держал коробку на коленях. Елена вела машину, Илья молчал.

На заднем сиденье рядом с Максимом лежал блокнот Андрея и карточка с его фотографией.

Он снова посмотрел на своё имя.

000000.

Ему вдруг вспомнилось, как в детстве он боялся темноты. Не потому, что представлял чудовищ под кроватью, а потому, что иногда просыпался ночью и не мог понять, находится ли он в своей комнате.

Однажды он сказал об этом матери.

Она ответила, что такое бывает, когда человек устал.

Теперь Максим подумал: а что, если он просыпался не в своей комнате?

Что, если он просыпался в своей жизни — но не в той, которую прожил?

В кармане завибрировал одноразовый телефон.

Максим достал его.

Он не должен был принимать никаких сообщений, кроме обычных звонков. На экране не было номера отправителя.

Только текст:

ВЫ НАШЛИ КОРОБКУ.

Следом:

ТЕПЕРЬ ВЫ ДОЛЖНЫ ВЫБРАТЬ.

Появились две строки:

ВОССТАНОВИТЬ ПАМЯТЬ — 1.

СОХРАНИТЬ ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ — 2.

Максим смотрел на экран, не двигаясь.

— Что там? — спросила Елена.

Он показал ей телефон.

Она резко нажала на тормоз и остановилась у обочины.

— Ничего не нажимай.

— Я и не собираюсь.

— Максим, послушай меня. Мы не знаем, что означает «восстановить память». Мы не знаем, что именно система считает твоей памятью. И мы не знаем, что она сделает, если ты выберешь второй вариант.

— А если ничего не выбирать?

Елена посмотрела на экран.

— Возможно, она примет это за отказ.

Максим почувствовал, как внутри поднимается знакомое раздражение.

— То есть у меня опять нет выбора?

— У тебя есть выбор. Просто мы не знаем его последствий.

Он посмотрел на две строки.

Восстановить память.

Сохранить текущее состояние.

И вдруг понял, что формулировка была не случайной.

Не «вспомнить прошлое».

Не «вернуть воспоминания».

Сохранить текущее состояние.

Будто его нынешняя личность была временной конфигурацией, которую можно сохранить перед изменением.

Будто система собиралась заменить одну версию Максима другой.

— Елена Сергеевна, — тихо сказал он. — Если я действительно умер в 2021 году, кто тогда я сейчас?

Елена не ответила.

Телефон завибрировал снова.

На этот раз сообщение было короче.

МАКСИМ, НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ ВЕРНУТЬСЯ.

Максим почувствовал, как у него пересохло во рту.

— Кому? — прошептал Илья.

На экране появилась последняя строка:

ТЫ НЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ, КТО НОСИТ ЭТО ИМЯ.

Экран погас.

И в тишине машины Максим впервые услышал голос, который не звучал ни из телефона, ни из динамиков.

Он прозвучал у него в голове — спокойный, знакомый, почти его собственный.

Ты обещал, что не вернёшься.

Максим закрыл глаза.

И увидел лабораторию.

Белые стены. Красный индикатор над дверью. Андрея Соколова, стоящего перед монитором.

И мальчика с пластиковой моделью самолёта.

Мальчик поднял голову.

У него было лицо Максима.

— Ты опоздал, — сказал он.

Максим резко открыл глаза.

В машине было тихо. Елена смотрела на него, Илья держал руку у него на плече.

— Что случилось? — спросил друг.

Максим попытался ответить, но не смог.

Потому что теперь он помнил одну вещь.

Четырнадцатого марта 2021 года в лаборатории действительно был мальчик.

И этот мальчик не был его воспоминанием.

Он был причиной, по которой Максим выжил.

Глава 8. Второй Максим

— Скажи что-нибудь, — попросил Илья.

Максим смотрел сквозь лобовое стекло. За ним темнела трасса, редкие машины проносились мимо, поднимая с асфальта мелкую водяную пыль.

— Я видел его.

— Кого?

— Мальчика.

Елена не стала задавать лишних вопросов. Она вернулась на дорогу, проехала несколько километров и свернула на площадку возле закрытого придорожного кафе. Заглушила двигатель.

— Рассказывай всё. По порядку.

Максим провёл ладонями по лицу.

— Я был в лаборатории. Андрей стоял перед монитором. Над дверью горел красный индикатор. Там был мальчик с моделью самолёта. Он сказал, что я опоздал.

— Ты видел это во время обморока? — спросила Елена.

— Не знаю. Это не похоже на воспоминание. Скорее… будто я вспомнил сон, который мне никогда не снился.

— Ты видел лица? Помнишь расположение оборудования?

— Да.

— Звук? Запах?

Максим задумался.

— Пахло горячей пылью. И чем-то металлическим. Вроде озона.

Елена медленно кивнула.

— В серверных помещениях так пахнет после перегрузки электропитания.

— Вы там были?

— В той лаборатории — нет. Но Андрей описывал мне её после первого запуска. Говорил, что сгорел один из блоков резервного питания.

— Значит, воспоминание настоящее?

— Это ещё ничего не доказывает. Ты мог видеть фотографию лаборатории. Мог прочитать описание. Мозг способен собирать убедительные сцены из фрагментов информации.

— Но я не видел фотографии.

— Ты не помнишь, что видел. Это другое.

Максим отвернулся.

Елена говорила разумно. Именно это раздражало сильнее всего. Любое невероятное событие можно было разобрать на отдельные детали, для каждой найти правдоподобное объяснение — и всё равно остаться без ответа на главный вопрос.

— А если я не один? — спросил он.

Илья нахмурился.

— В каком смысле?

— Если есть другой Максим. Тот, которого система пытается вернуть.

— Ты говоришь о копии? — спросила Елена.

— Я говорю о человеке, который носит моё имя и считает, что я занял его место.

Она долго смотрела на него.

— Тогда нам нужно понять, что означает слово «восстановить». И для этого придётся вернуться в лабораторию.

— Вы же сказали, что её законсервировали.

— Так и есть.

— А если там всё ещё работает система?

— Тогда она, вероятно, уже знает, что мы едем.

Илья усмехнулся без тени веселья.

— Прекрасно. Хоть в чём-то у нас стабильность.

Елена повернула ключ зажигания.

— Есть ещё одна проблема.

— Какая? — спросил Максим.

— Нам нужно найти Андрея Соколова.

Максим посмотрел на неё.

— Он мёртв.

— Человек с его именем мёртв. Но я не уверена, что это одно и то же.

В Москве они оказались поздно вечером.

Елена не поехала к себе домой. Она остановилась у старого гаражного кооператива на юго-востоке города, открыла один из боксов и включила переносную лампу.

Внутри стоял металлический шкаф, верстак и несколько ящиков с инструментами. В углу под брезентом угадывались очертания мотоцикла.

— Вы здесь живёте? — спросил Илья.

— Нет. Здесь я храню вещи, которые не хочу оставлять дома.

Она достала из шкафа старый ноутбук, подключила его к переносному аккумулятору и открыла зашифрованную папку.

— Когда «Нейросфера» закрылась, я сохранила несколько копий внутренних документов. Большая часть бесполезна без серверов, но некоторые журналы остались читаемыми.

— Вы сказали, что Андрей пропал пятого октября, — напомнил Максим.

— Да.

— А нашли его мёртвым одиннадцатого.

— Верно.

— Что происходило между этими датами?

Елена открыла таблицу.

— По официальным данным, он не выходил на работу, не пользовался банковскими картами, не пересекал границу города. По камерам наблюдения его видели возле дома вечером пятого октября. После этого — ничего.

— А неофициально?

— Шестого октября я получила от него письмо.

Максим вспомнил фотографию, которую прислал анонимный отправитель: избитый Андрей, надпись на стене.

— Вы знаете, где он находился?

— Нет. Письмо состояло из трёх слов: «Не верь дате».

— Какой дате?

— Он не уточнил.

— Почему вы не обратились в полицию?

Елена подняла на него глаза.

— Потому что за день до этого Андрей позвонил мне и сказал, что если с ним что-то случится, я не должна искать его тело.

Илья выпрямился.

— И вы послушались?

— Я искала его шесть дней. Потом узнала, что его нашли.

— Но вы не верите, что это он?

— Я верю, что нашли человека, которого опознали как Андрея Соколова. Я не верю, что это автоматически означает конец истории.

Она вывела на экран несколько файлов.

— Вот что я нашла в журнале доступа за ночь пятого октября.

Максим наклонился к ноутбуку.

В таблице отображались системные события. Большинство строк были обычными: входы пользователей, обращения к хранилищу, ошибки синхронизации. Но в 23:48:09 появилась запись, выделенная красным.

PROTOCOL_0: REMOTE_ACCESS_GRANTED.

Через три секунды:

IDENTITY_CHECK: FAILED.

Затем:

IDENTITY_CHECK: PASSED.

— Сначала проверка личности не прошла, потом прошла, — сказал Максим.

— Да.

— Кто подключался?

Елена открыла подробности.

В поле имени пользователя стояло:

ANDREY_SOKOLOV.

Но в следующем поле был указан другой идентификатор.

SUBJECT: 000000.

Максим почувствовал, как у него напряглись плечи.

— Андрей использовал учётную запись пользователя ноль?

— Или кто-то использовал его имя.

— А потом?

Елена прокрутила журнал.

23:51:42 — MEMORY_STATE: RESTORE_PENDING.

23:51:43 — MEMORY_STATE: RESTORE_REJECTED.

23:51:44 — SUBJECT_000000: ACTIVE.

Последняя запись появилась через семь секунд.

23:51:51 — SUBJECT_000000: LOCATION UNKNOWN.

Илья присвистнул.

— Выглядит так, будто кто-то пытался восстановить память, а потом отказался.

— Или система пыталась восстановить пользователя и потеряла его, — сказала Елена.

Максим смотрел на временные метки.

— Пятое октября. За шесть дней до появления приложения.

— Именно.

— А если Соколов пытался восстановить меня?

Елена закрыла ноутбук.

— Тогда он мог знать, что произойдёт дальше.

— Почему вы не сказали мне об этом раньше?

— Потому что я не знала, что твой номер в системе — два. И не знала, что ты связан с объектом ноль.

— А теперь знаете?

— Теперь я знаю, что кто-то использовал учётную запись Андрея, чтобы запустить восстановление. И что система не смогла определить местоположение объекта после отказа.

— Значит, пользователь ноль исчез.

— Или переместился туда, где система не может его обнаружить.

Максим вспомнил слова мальчика.

Ты опоздал.

— А если пользователь ноль — это я?

Елена посмотрела на него.

— Тогда нам придётся выяснить, почему система считает тебя одновременно найденным и потерянным.

Лаборатория находилась под зданием бывшего вычислительного центра.

Снаружи это было обычное офисное строение из стекла и бетона, закрытое на реконструкцию. На воротах висел знак подрядной организации, а возле входа стоял строительный контейнер.

Елена припарковалась за соседним зданием.

— Основной вход под наблюдением, — сказала она. — Но есть технический тоннель, который соединяет корпус с подземной распределительной станцией.

— Откуда вы знаете? — спросил Илья.

— Я помогала Андрею проверять резервное питание. Тогда тоннель использовали для обслуживания кабелей.

— А сейчас?

— Сейчас я надеюсь, что никто не потрудился его заложить.

Она достала из багажника фонари, перчатки и небольшую сумку с инструментами.

— Прежде чем мы пойдём, я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Я не знаю, что мы найдём внутри. Если увидите что-то, что кажется знакомым, не пытайтесь сразу взаимодействовать с этим. Не нажимайте кнопки. Не отвечайте на вопросы системы. И если Максим начнёт вести себя странно…

— Что значит «странно»? — спросил он.

— Если ты вдруг перестанешь узнавать нас. Если начнёшь говорить о событиях, которых не мог знать. Если будешь утверждать, что всё уже происходило.

— А что тогда?

Елена посмотрела ему прямо в глаза.

— Мы уйдём. Даже если тебе покажется, что нельзя.

Илья кивнул.

Максим ничего не сказал.

Он уже чувствовал, что часть его не хочет уходить.

Не потому, что лаборатория безопасна.

А потому, что она была знакомой.

Технический тоннель оказался за металлической дверью в подвале соседнего корпуса. Замок был старым, а дверь — перекошенной. Елена открыла её с третьей попытки.

Внутри пахло сыростью. Кабельные лотки тянулись вдоль стен, на полу стояла вода. Они шли медленно, подсвечивая путь фонарями.

Через несколько минут тоннель закончился лестницей.

Наверху находилась ещё одна дверь, уже электронная. На панели не было ни логотипа компании, ни названия помещения. Только три пересекающиеся окружности.

Максим остановился.

— Это оно.

— Что? — спросила Елена.

— Я видел этот знак. Во сне. На стене.

Елена подошла к панели.

— Здесь должен быть считыватель карты.

Она приложила карточку Максима к поверхности.

Ничего не произошло.

Илья усмехнулся.

— Ну, по крайней мере, мы проверили.

Он уже собирался отойти, когда дверь щёлкнула.

Все трое замерли.

На панели загорелась зелёная точка.

Затем раздался спокойный женский голос:

— Добро пожаловать, Максим.

Елена отступила на шаг.

— Система активна, — прошептала она.

Дверь медленно открылась.

За ней был коридор с белыми стенами и встроенными потолочными светильниками. Ни пыли, ни следов заброшенности. На стене висела табличка:

КОНТУР. СЕКТОР В.

Максим вошёл первым.

Ему не пришлось искать дорогу.

Он знал, куда идти.

В конце коридора находилась стеклянная дверь. За ней — лаборатория, которую он видел во сне.

Два ряда рабочих станций. Серверная стойка за прозрачной перегородкой. Большой экран на дальней стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.